

ВЕСТНИК УИФР

В НОМЕРЕ:

Актуальные проблемы развития
финансового рынка
Современные тенденции экономической теории
Инфраструктура ЖКХ: тенденции развития
Уроки кризиса: теория и практика
Социально-философские науки

№ 5(9)/2011

ВЕСТНИК УИФР

Журнал Уральского института фондового рынка.

Екатеринбург, 2011. -№ 5(9)

Материалы журнала содержат статьи, посвященные теоретическим и прикладным аспектам актуальных проблем экономических наук. Представленные в журнале статьи будут интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей, студентам, магистрантам и аспирантам.

Редакционная коллегия:

Чашин В.В. - главный редактор, ректор НОЧУ ВПО УИФР, канд. экон. наук;
Рожкова М.В. - отв. редактор, проректор по учебной работе НОЧУ ВПО УИФР, канд. экон. наук;
Неганова В.П. - доктор экон. наук, профессор;
Боровинская И.В. - зав. кафедрой менеджмента НОЧУ ВПО УИФР, канд. экон. наук;
Ломтатидзе О.В. - зав. кафедрой финансов и ценных бумаг НОЧУ ВПО УИФР, канд. экон. наук;
Львова М.И. - зав. кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита НОЧУ ВПО УИФР, канд. экон. наук;
Панов М.А. - доцент НОЧУ ВПО УИФР, канд. экон. наук.

Учредитель: Негосударственное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования “Уральский институт фондового рынка”.
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИИ № ТУ-66-00111 от 7 ноября 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА	5
Ломтатидзе О.В. Поиск эффективных решений в системе регулирования финансового рынка: мировой опыт.....	5
Ломтатидзе О.В. О некоторых путях повышения эффективности системы регулирования финансового рынка России	13
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....	22
Боровинская И.В. О смене “локомотивов” экономики	22
Чащин В.В. Маркетинг персонала как инструмент управления неопределенностью внутренней среды при адаптации персонала	26
ИНФРАСТРУКТУРА ЖКХ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	38
Алмазова О.Н. Партнерские отношения как основа построения эффективного взаимодействия участников бытового сектора розничного рынка электроэнергии.....	38
МАРКЕТИНГ И РЕКЛАМА	43
Фризен Н.Г. Интернет-представительство малого бизнеса: выбор оптимальной формы присутствия.....	43
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ.....	49
Чащин В.В. Новая хронология, или в поисках Геркулесовых столпов истории.....	49
УГОЛОК СКЕПТИКА.....	85
Чащин В.В., Болотин А.В. Платить или не платить? - вот в чем вопрос.....	85
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	87

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Ломтатидзе О.В.

ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА: МИРОВОЙ ОПЫТ

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в последнее время в системах регулирования финансовых рынков США и Евросоюза. Внимание уделяется проблеме защиты прав частных инвесторов, требований к достаточности капитала банков, сделкам с деривативами, достоверности информации, предоставляемой рейтинговыми агентствами.

Автор высказывает мысль о том, в ближайшем будущем можно ожидать притока средств частных инвесторов на рынки развивающихся стран, в том числе и на российский. Показаны примеры проблем, существующих в системе регулирования финансового рынка в России. Предложено применить в России некоторые решения, реализованные при ре-формировании систем финансово регулирования США и Евросоюза.

Changes of the USA and Eurozone financial Markets regulation are described in the article. Attention is paid to a problem of private investors rights protection, deals with derivatives, quality of information, presented by rating agencies.

The author comes up with idea that in the nearby future we can wait for an inflow of a private investors capital on the financial markets of the emerging economics, including Russia. Examples of the problems existing in system of regulation of the financial market in Russia are shown. Some decisions realized at reforming of systems of financial regulation of the USA and the European Union are proposed in the article.

Прошло два года, с тех пор как осенью 2008 г. разразился мировой финансовый кризис, продемонстрировавший насколько далека от совершенства существующая система регулирования финансовых рынков. Как выяснилось впоследствии события, послужившие основными причинами кризиса, стали возможны в значительной степени из-за недостатков существую-

щих систем регулирования и мер ответственности участников финансового рынка.

В 2009 г. финансовые рынки продемонстрировали бурный рост, основным движущим моментом которого были средства институциональных инвесторов, значительная часть которых была получена в той или иной форме из бюдже-

тов государств. Очевидно, что для дальнейшего роста рынков, повышения их устойчивости и ликвидности необходимо дать уверенность частным инвесторам в справедливости и надежности функционирования финансовой системы. Основными причинами недоверия инвесторов является в конечном итоге неэффективная система регулирования финансовых рынков, которая не оправдывает первоначальных ожиданий.

Основными следствиями неэффективности системы регулирования являются:

1) совершение профессиональными участниками действий, противоречащих интересам клиентов;

2) предоставление инвесторам ложной, недостоверной или неполной информации;

3) медленная реакция регуляторов на появление новых схем обхода действующих норм финансового регулирования;

4) отсутствие действенных гарантий выполнения профессиональными участниками обязательств перед клиентами.

Приведем несколько примеров. Один из крупнейших американских банков выпускал деривативы на инструменты, предлагаемые клиентам. Таким образом банк действовал против интересов клиентов, которые получали убыток, а банк - прибыль. Один из крупнейших российских негосударственных пенсионных фондов действуя в рамках закона, формально ничего не нарушая "вывел" из управления около 8 млрд. руб. средств пенсионных резервов.

Именно реформированию систем регулирования финансовых рынков ведущие мировые державы уделяли особо пристальное внимание последние два

года. Реформирование фундаментальных подходов к финансовому регулированию стало одной из ключевых тем саммитов G20, G30, и ежегодной женеvской конференции по вопросам мировой экономики. Одними из наиболее значимых итогов усилий государств по реформированию систем регулирования финансовых рынков стало утверждение требований Базельского комитета по банковскому надзору "Базель III" и подписание Бараком Обамой закона Дод-да-Фрэнка.

Россия также не стала исключением в вопросе реформирования системы финансового регулирования. Однако, не исключая значимость и эффективность принятых отечественным регулятором усилий, на сегодняшний день можно констатировать, что произошедшие изменения носят скорее локальный, точечный характер, решая ту или иную проблему и не несут системных реформ. Ввиду принятия новых фундаментальных подходов в системах финансового регулирования ведущих мировых стран движение в сторону системного реформирования представляется особо значимым. Данная статья посвящена вопросам поиска Попытке поиска эффективных решений в системном реформировании финансового регулирования и возможности их применения в России.

На сегодняшний день нет четких рекомендаций относительно того, каким должен быть системный подход к регулированию финансового рынка. Так на Саммите G30 было выделено 4 основных типа регулирования:

1) институциональный тип регулирования (Китай, Гонконг, Мексика; правовой статус финансовой организации является определяющим для попадания в поле зрения того или иного регулятора);

2) функциональный тип регулирования (Франция, Италия; определяющим фактором принадлежности к тому или иному регулятору является характер деятельности института безотносительно организационно-правовой формы);

3) мегарегулирование (Великобритания, Германия, Япония; единый регулятор);

4) парный тип регулирования (Австралия, Нидерланды; один регулятор контролирует финансовую организацию с позиций сохранности и надежности, второй - с позиций выполнения требований к ведению бизнеса).

Выбор структуры регуляторной модели в значительной мере должен отражать специфику устройства государства с учетом политических принципов, как, например принцип деления власти на исполнительную, законодательную и судебную, сочетание федерального регулирования и регулирования на уровне штатов в США. Единого правильного ответа на вопрос какая структура финансового регулирования и надзора является оптимальной по-прежнему нет. Однако, существует общая концепция развития и ее ключевые точки: 1) необходимость значительного упрощения и консолидации чрезмерно сложных структур; 2) концентрация усилий в большей степени на прояснении и тестировании принципов регулирования, нежели на реформировании правил регулирования 3) значимость тесного международного взаимодействия и координирования в части стандартов бухгалтерского учета, лицензирования, выработки механизмов надзора и, что наиболее важно, стандартов оценки ликвидности и справедливой стоимости капитала; 4) важность регуляторных соглашений на основе гибкого подхода, позволяющего адаптироваться к новым

типам институтов, инструментов и рынков и 5) необходимость обеспечения политической и рыночной независимости национальных регуляторов. Кроме того, отметим растущую уверенность относительно значимости ответственности центробанков за обеспечение финансовой стабильности, что должно подкрепляться адекватным авторитетом и возможностями.

Вне зависимости от функциональной организации регуляторных структур надзорные ведомства должны иметь уверенность в том, что финансовые институты должным образом готовы и имеют возможность выстоять в кризисные периоды. Последнее требует от регуляторов акцентирования внимания на комплексности природы суждений касательно стабильности крупных финансово-банковских организаций.

Правила регулирования банковской деятельности "Базель III" должны стать ключевыми в реформе глобальной финансовой системы. Поэтапно принимаемые новые правила регулирования банковской деятельности направлены на ужесточение требований к ликвидности и достаточности как собственного капитала, так и формируемых резервов. Сначала был введен показатель стабильности финансирования, отражающий долгосрочные тенденции с ликвидностью банков, затем были приняты требования к коэффициенту чистой ликвидности, характеризующему краткосрочную банковскую ликвидность и определяющему требования по покрытию оттока капитала на протяжении 30 дневного периода. Так, правилами "Базель III" уровень достаточности собственного капитала увеличен на 2,5%. Таким образом, с 2015 г. минимальный уровень собственного капитала банков

должен быть не менее 4,5% от активов, взвешенных с учетом риска (согласно предыдущим требованиям "Базель II" этот показатель составлял 2%). К 2019 г. согласно новым требованиям банки должны будут формировать буферный капитал в размере 2,5% от активов, взвешенных по риску. В таком случае общий размер требований к достаточности капитала составит 7%. Также с 2015 г. коэффициент основного капитала первого уровня должен составлять 6% (вместо 4%).

Многие эксперты считают, что банкам представлена необоснованно длительная отсрочка, что лишней раз подтверждается фактом роста акций большинства европейских банков после принятия новых требований. Кроме того, столь длительная отсрочка может не дать желаемого результата, если новый финансовый кризис произойдет ранее сроков, представленных банкам для выполнения новых требований.

В новых правилах существует и системная составляющая. Так, национальные регуляторы должны будут установить контрциклические требования к капиталу. Согласно таким правилам требования макропруденциального надзора к банкам будут ужесточаться в большей степени в фазу экономического роста, нежели в период спада экономики. Предполагается также ввести дополнительные требования регуляторов к финансовым институтам категории "too big to fail", принять меры по снижению зависимости банков от краткосрочных заемных средств.

Еще одно нововведение в системном регулировании европейских финансовых рынков - опубликованные Еврокомиссией 15 сентября 2010 г. требования к регуляторам, касающиеся деривативов. Согласно новым правилам большинство сделок с

деривативами будут теперь проходить с использованием механизма клиринга через центрального контрагента, что даст участникам рынков большую уверенность в исполнении обязательств. Интересным может явиться тот факт, что большинство новых требований, принятых в Евросоюзе хотя и аналогичны, но значительно мягче реформы, проводимой в США.

Серьезным для Базельского клуба регуляторов оказался вопрос гарантий устойчивости банков осуществляющих инвестиционную деятельность. В этом случае приведенные выше требования к достаточности капитала оказываются ничтожными. По мнению экспертов в этом случае достаточными могли бы быть требования к минимальному уровню собственного капитала банков в размере 20% от активов, взвешенных по риску, что вряд ли представляется реальным. Решение, предложенное в Базеле заключается в наделении регуляторов полномочиями по списанию или секьюритизации капитала 2 уровня, что позволит банку избежать дефолта при наличии серьезных неприятностей. Таким образом, изменится лишь структура банковского долга. Поводы для беспокойства при этом остаются: банкиры считают, что выпуск подобных ценных бумаг будет обходиться дорого, ввиду того, что обычный покупатель не будет в них заинтересован, а регуляторы потребуют проявлять бдительность, чтобы банки не приобретали друг у друга такого рода ценные бумаги.

В целом, необходимо отметить, что реформирование системы финансового регулирования в Евросоюзе носит значительно более мягкий характер, в меньшей степени ограничивает возможности получения прибыли банками, нежели в США, что будет продемонстрировано

ниже. Весьма вероятно, что основные усилия по развитию бизнеса крупные игроки финансового рынка сконцентрируют на европейском, азиатском финансовых рынках ввиду наличия на последних лучших возможностей для формирования прибыли.

В июле 2010 г. президент США подписал закон Додда-Франка, ставший элементом амбициозной реформы системы финансового регулирования, где основной упор сделан на защиту потребителей финансовых услуг, что в конечном итоге должно привести к восстановлению доверия и притоку средств частных инвесторов на финансовый рынок. Американская финансовая реформа устанавливает значительно более жесткие требования и накладывает большие ограничения на профессиональных участников финансового рынка, нежели это реализовано в Европейском подходе.

Можно выделить пять основных блоков реформы: надзор и регулирование деятельности финансовых организаций, регулирование финансового рынка, защита прав потребителей финансовых услуг и инвесторов, антикризисные меры, международное взаимодействие в финансовом реформировании. Остановимся на наиболее интересных аспектах с точки зрения российского финансового рынка.

В рамках реформы создается три новых института: первый сможет консолидировать информацию об имеющихся на рынке финансовых продуктах, и будет предоставлять рекомендации ФРС по регулированию деятельности финансовых институтов; деятельность второго направлена на защиту потребителей финансовых услуг; третий комитет сможет выявлять проблемные зоны для инвесторов. Все три структуры будут консолидировать собирае-

мую информацию и перенаправлять соответствующим регуляторам. Кроме того, новые институты наделены полномочиями на запрос интересующей их информации от финансовых организаций.

Значительный блок реформы посвящен регулированию банковской деятельности. Так, кредитные организации смогут инвестировать в хедж-фонды и частные инвестиционные фонды не более 3% от капитала 1 уровня. В случае, если банк является участником системы страхования вкладов, то торговать производными финансовыми инструментами он сможет только через аффилированную компанию. Изначально планировалось вновь привести в действие закон Глас-Стигала, разделяющий деятельность банков, работающих с вкладами населения и инвестиционных банков. Упомянутый закон ограничивал десятью процентами размер прибыли, полученной коммерческим банком, работающим с населением. Однако, этого не произошло.

Также регулирование банков осуществляется в зависимости от его величины: федеральное агентство по страхованию отвечает за розничные банки с активами до 50 млрд. долларов; Федеральное агентство по контролю за денежными обращениями контролирует универсальные банки с активами до 50 млрд. долларов; ФРС - крупнейшие банки, которые при неблагоприятной ситуации могут способствовать росту системных рисков.

Важным положением закона стала антикризисная мера, позволяющая перекладывать потери банков, терпящих бедствие на несекьюритизированных кредиторов. Так, в рамках реформы регулятор сможет санировать любую финансовую организацию, которая будет нести угрозу стабильности финансово

рынка, быстро расплачиваться с секьюритизированными кредиторами и перекладывать долг на секьюритизированных кредиторов.

Контрциклическое регулирование предполагает повышение требований к капиталу банков в периоды экономического подъема и ослабление требований в фазу спада экономики. Такой подход позволит банкам накапливать финансовую подушку на случай финансового кризиса и использовать ее в случае необходимости.

Торговля деривативами будет осуществляться не по принципу дилер-дилер, а будет проходить процедуру клиринга через центрального контрагента. С одной стороны это повысит прозрачность рынка для регуляторов и даст им представление об объемах совершаемых сделок и размере плеча, с другой - обеспечит лучшие гарантии выполнения обязательств контрагентами.

Отдельное внимание уделяется работе рейтинговых агентств и аудиторов. С принятием закона Додда-Фрэнка потребители смогут подавать иск в суд на рейтинговые агентства и аудиторов в случае, если присвоенный рейтинг не соответствует реальному положению дел.

Существует еще один важный аспект, заслуживающий внимания. Устанавливаемые регуляторные требования в большей степени в США, в меньшей в Евросоюзе приведут к снижению прибыли, получаемой финансовыми организациями. Ввиду этого можно ожидать притока частного капитала на развивающиеся рынки, позволяющие получать более высокий доход, в том числе и в Россию.

Таким образом, можно констатировать, что ведущие мировые державы принимают максимум усилий для

повышения доверия частных инвесторов к финансовым рынкам.

Развитие системы финансового регулирования в той или иной стране формируется с учетом ее исторических, политических особенностей, предпочтений потребителей, сформировавшихся общественных устоев. В США усилия регуляторов направлены в большей степени на фондовый рынок, в регулировании банковской деятельности основной упор также сделан на работу банков с ценными бумагами. В Евросоюзе основное внимание уделено банковскому и страховому секторам. Кажется целесообразным, что для России наиболее приемлема американская модель, поскольку финансовый рынок еще недостаточно зрелый и пока неясно, в каком направлении он будет развиваться в большей степени. Особенно важно при этом проводить реформирование постепенно и не слишком жестко, поскольку в противном случае бизнес может либо уйти в другую, более прибыльную отрасль, либо на иную, менее регулируемую территорию. Кроме того, важно предпринимать все действия по реализации текущих норм регулирования. Показателен пример Великобритании: в 2010 г. количество предпринятых мегарегулятором санкций по отношению к участникам финансовых рынков резко возросло. Однако в самой системе финансового регулирования Великобритании сколько-нибудь значимых перемен не произошло. При этом участники рынка были крайне удивлены, что к ним применены санкции за те действия, на которые ранее регулятор просто закрывал глаза. Такие действия мегарегулятора могут быть обусловлены не только стремлением восстановить доверие к

рынку, а зачастую и политическими, популистскими мотивами.

Повышение доверия инвесторов к отечественной финансовой системе позволит привлечь капитал, в том числе зарубежный, улучшить положение России на международном финансовом рынке, будет способствовать дальнейшему экономическому росту и интеграции России в мировое экономическое сообщество.

На сегодняшний день в Российской финансовой системе существует значительно число нерешенных проблем, которые так или иначе приводят к недоверию со стороны инвесторов. Недоверие это спровоцировано в первую очередь несоответствием ожиданий инвесторов и получаемых результатов - регулятор не успевает за участниками рынка. Уже в 2010 г. появился ряд новых проблем:

- активы паевых инвестиционных фондов зачастую являются низколиквидными, не обладающими реальной рыночной стоимостью;

- вопреки существующему жесткому регулированию деятельности НПФ из последних утекают средства пенсионных резервов за счет приобретения "пустых" ЗПИФ;

- отсутствует система административных мер воздействия на рейтинговые агентства за предоставление недостоверной информации;

- управляющие компании задерживают предоставление отчетности и искажают ее результаты, не раскрывают клиентам требуемые сведения о продукте;

- существует возможность, позволяющая банкам манипулировать результатами отчетности, путем форми-

рования кредитных ЗПИФов и перевода на них просроченной задолженности.

Заслуживает внимания и факт ввода в действие электронной системы, которая позволит регулятору отслеживать все операции в течение дня и обращать внимание на нестандартные операции, операции, осуществляемые по стоимости, отличающейся от рыночной и т.д. При этом очевидно, что отечественный регулятор предпринимает активные действия для устранения текущих проблем, однако, существующий системный подход позволяет реализацию новых схем еще до того, как регулятор разберется со старыми.

По мнению автора, в России могли бы найти применение некоторые решения, реализованные при реформировании систем финансового регулирования США и Евросоюза:

1. Принятие дифференцированных требований к достаточности банковского капитала в фазы экономического спада и подъема.

2. Создание агентства защиты прав частных инвесторов для сбора, анализа и представления рекомендаций регулятору, а также обеспечения взаимодействия регулятора и участников рынка.

3. Ужесточение требований к рейтинговым агентствам.

4. Выстраивание взаимодействия отечественных регуляторов с регуляторами ведущих мировых держав.

Кроме того, можно рекомендовать:

- улучшить качество и эффективность пруденциального регулирования и надзора. Это потребует нового уровня взаимодействия от регулятора и Центробанка со структурами, обеспечивающими национальное и международное взаимодействие;

■ провести переоценку деятельности регуляторов с точки зрения устранения ненужного дублирования, усложнения, пробелов в регулировании, сокращая потенциальные возможности для регуляторного арбитража, улучшая координацию в регуляторной сфере;

■ подтвердить независимость регуляторов от политического и рыночного давления и провести оценку потребностей по улучшению качества и адекватности источников информации, необходимых для данных структур.

Список литературы

1. Контрольный выстрел президента // Деньги. 2010. № 30. // <http://www.kommersant.ru/money/?IssueID=55376>
2. Чайка Ф. Дьявол в законе Додда - Фрэнка // Финанс. 2010. № 29. // <http://www.finansmag.ru/96152/>
3. Financial reform. A Framework for Financial Stability //
4. Geneva Reports on the World Economy. 11 Preliminary conference draft // <http://www.finreg21.com/content/financial-reform-a-framework-financial-stability-0>
5. Polk D. A new foundation for financial regulation?/Davis Polk & Wardwell LLP // <http://www.finreg21.com/content/a-new-foundation-financial-regulation>
6. Not all on the same page. America's Congress nears agreement on a financial-reform bill, but the final shape of the new regime is unclear. The international picture is murkier still. Jul 1st 2010 / LONDON AND NEW YORK // http://www.economist.com/node/16485376?story_id=16485376
7. A decent start. A somewhat clumsy bill is hardly a panacea, though it fixes some important things Jul 1st 2010 / From The Economist print edition // http://www.economist.com/node/16481494?story_id=16481494
8. Macroeconomic Stability and Financial Regulation: Key Issues for the G20 © Centre for Economic Policy Research 2009 // <http://www.finreg21.com/content/macroeconomic-stability-and-financial-regulation-key-issues-g20>
9. Taming the banks. The public's urge for revenge may not have been sated, but the new Basel rules make sense Sep 16th 2010 / From The Economist print edition // http://www.economist.com/node/17039091?story_id=17039091

References

1. A control shot of the president // Dengy. 2010. № 30. // <http://www.kommersant.ru/money/?IssueID=55376>
2. Devil in the law of Dodd- Frank // Finans 2010. № 29. // <http://www.finansmag.ru/96152/>
3. Financial reform. A Framework for Financial Stability //
4. Geneva Reports on the World Economy. 11 Preliminary conference draft // <http://www.finreg21.com/content/financial-reform-a-framework-financial-stability-0>

-
5. Polk D. A new foundation for financial regulation?/Davis Polk & Wardwell LLP // <http://www.finreg21.com/content/a-new-foundation-financial-regulation>
 6. Not all on the same page. America's Congress nears agreement on a financial-reform bill, but the final shape of the new regime is unclear. The international picture is murkier still. Jul 1st 2010 / LONDON AND NEW YORK // http://www.economist.com/node/16485376?story_id=16485376
 7. A decent start. A somewhat clumsy bill is hardly a panacea, though it fixes some important things Jul 1st 2010 / From The Economist print edition // http://www.economist.com/node/16481494?story_id=16481494
 8. Macroeconomic Stability and Financial Regulation: Key Issues for the G20 © Centre for Economic Policy Research 2009 // <http://www.finreg21.com/content/macroeconomic-stability-and-financial-regulation-key-issues-g20>
 9. Taming the banks. The public's urge for revenge may not have been sated, but the new Basel rules make sense Sep 16th 2010 / From The Economist print edition //

Ломтатидзе О.В.

О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА РОССИИ

В статье рассматривается проблема снижения риска спонтанных побочных негативных эффектов при введении новых мер регулирования. Автор отмечает недостаточную эффективность регулирования при наличии потребности у участников рынка в решении проблем. Предлагается формирование новой структуры, либо наделение новыми полномочиями и обязанностями регуляторной структуры финансового рынка из разряда существующих, которая сможет выполнять роль связующего звена между участниками рынками, регулятором, органами исполнительной власти. По мнению автора, реализация предлагаемых мероприятий позволит повысить эффективность функционирования отечественного финансового рынка, улучшит его привлекательность в глазах зарубежных инвесторов.

На протяжении последних двух лет Российский финансовый рынок продолжает развиваться ускоренными темпами - значительно расширяется круг возможностей для инвесторов, за счет появления новых инструментов и технологий, совершенствуется инфраструктура. Несмотря на то, что стоимостный объем финансового рынка не достиг докризисных показателей, а его отношение к валовому внутреннему

продукту уменьшилось вследствие роста последнего, общая тенденция в динамике отечественного финансового рынка - положительная. Так, по данным Центрального Банка России в первом полугодии 2010 г. финансовый рынок продолжил восстанавливаться, основной вклад в динамику внес рынок акций [1]. В грядущем 2011 г. эксперты предсказывают увеличение ликвидности на финансовом рынке России [2]. Вместе с этим растет

количество проблем, связанных с регулированием. Отдельного внимания, однако, заслуживает не столько рост числа проблем из разряда известных категорий, сколько появление ряда проблем качественно иного характера. Суть возникающих проблем не является принципиально новой, однако причины их возникновения и последствия для рынка не являются рядовыми. Одними из таких, принципиально новых по характеру возникновения проблем финансового регулирования в России являются:

1) высокая частота спонтанных побочных отрицательных эффектов при введении новых мер регулирования;

2) недостаточная оперативность, неадекватность регулирования при наличии потребности у участников рынка в решении проблемы.

Предпосылкой появления трудностей такого рода явился выход отечественного финансового рынка на ту стадию эволюции, когда обычная система анализа, контроля и регулирования, ориентированная сверху вниз - от министерств и регуляторов к участникам рынка не дает нужного эффекта либо приводит к негативным последствиям. В предыдущие годы, когда финансовый рынок был еще недостаточно развит, вертикально интегрированная система регулирования финансового рынка выполняла свою функцию в полной мере: при появлении проблемы регулятор ее идентифицировал, принимались соответствующие законы, нормативно-правовые акты, позволявшие эффективно решить проблемы. На начальной стадии развития рынка субъекты финансового рынка перестраивались, адаптировались в соответствии с новыми требованиями без особых проблем ввиду простоты и неразвитости рыночной структуры.

На сегодняшний день финансовый рынок России уже достаточно развит: на рынке присутствует значительное число игроков, видов профессиональных участников, постоянно совершенствуется инфраструктура, появляются новые виды финансовых продуктов, в том числе комбинированных. Кроме того, взаимосвязи между участниками рынка являются множественными, постоянно претерпевают изменения, как вследствие адаптации участников к рынка к регуляторным изменениям, так и по причине проявления новых технологий и продуктов. Структура финансовой системы стала многокомпонентной, сложной, с реверсными и сторонними взаимосвязями, имеющими обратное воздействие. Связи между участниками финансового рынка носят не-линейный характер, поскольку субъекты взаимодействуют друг с другом посредством множественных транзакций и через различные инфраструктурные элементы. Часть взаимосвязей имеют обратное и или стороннее воздействие, оказывая влияние на многих участников финансового рынка. В результате, какое-либо нововведение приводит к значительным последствиям не только по отношению к тем участникам, на которых изменение было направлено, но и опосредованно влияет на многие компоненты системы. Вследствие этого предсказать все эффекты от регуляторных нововведений, или выбрать наилучший вариант регуляторного воздействия становится все сложнее. Воздействие на один компонент системы приводит к изменениям многих других - при введении новых регуляторных мер рынок адаптируется, реагирует, ищет пути обхода регуляторных мер.

Таким образом, можно говорить о том, что на сегодняшний момент взаимосвязи

между участниками финансового рынка носят динамический характер - обладают изменчивостью и адаптивностью. Существующая же система регулирования финансового рынка не обладает такой выраженной динамичностью, а является по сути статичной и однонаправленной - при введении новых регуляторных мер не принимается во внимание эффект недавно произведенных изменений; при принятии решений регулятор по большей части не учитывает мнение участников рынка.

При текущем положении дел в случае идентификации проблемы на финансовом рынке со стороны регуляторов, либо вышестоящих органов, решения по внедрению новых либо изменению существующих регуляторных мер и требований принимаются чаще всего без учета сторонних и отдаленных эффектов, как для участников, так и для рынка в целом. Связано это в первую очередь с тем, что органы исполнительной и законодательной власти закрывают глаза на возможность негативных последствий, ставя во главу угла сиюминутный эффект для решения возникающих трудностей. Действительно, оценить возможность таких последствий довольно проблематично, учитывая в особенности современную стадию развития рынка с многогранностью и разноплановостью взаимосвязей участников, насыщенностью рынка финансовыми продуктами, динамическим характером ответных реакций рынка. Кроме того, сегодняшний финансовый мир требует оперативного реагирования при появлении финансовых угроз, вследствие чего существующий подход к регулированию со стороны министерств и регуляторов является приемлемым. Еще одна трудность состоит в том, что зачастую инициативы различных министерств носят разнонаправленный, либо конкурентный

характер, вследствие чего эффективные решения не "доходят" до рынка. Однако, в случае, если удастся модернизировать существующую систему регулирования таким образом, чтобы она позволяла сохранить оперативность реагирования, объединить и направить усилия министерств и регуляторов в одно русло, и при этом учитывать потенциальные побочные и отдаленные негативные последствия, отечественный финансовый рынок может получить новый импульс, либо как минимум не снижать темпов развития и роста.

С другой стороны, проблемы, в решении которых заинтересованы участники рынка, решаются неэффективно, либо не решаются вовсе: реакция регулирующих органов крайне замедлена и зачастую не приводит к нужному эффекту, вследствие разветвленности, многокомпонентности системы регулирования, когда крайне проблематично определить регулятора, ответственного за решение проблемы. Единственный путь решения таких проблем для участников рынка сегодня - коллективные обращения в ассоциации и профессиональные объединения (например, НАУФОР, НАПФ и др.), от лица которых происходит дальнейший контакт с регулятором, либо министерством или даже правительством. Такой подход в определенной степени хорош, однако он не позволяет решать проблемы достаточно оперативно и, что более важно, не дает права рассчитывать на рассмотрение всех основных проблем, волнующих участников рынка, не дает понимания стандартного подхода к рассмотрению и решению той или иной трудности. В критических ситуациях (международный финансовый кризис) данный механизм сработал и показал свою эффективность, однако отсутствие нормативно-правовой базы, регламентирующей

порядок решения проблем участников рынка, отлаженного механизма взаимодействия с органами власти не позволяет участникам рынка рассчитывать на возможность его использования для решения насущных проблем в ситуации стабильности финансового рынка.

Таким образом, можно говорить о том, что на сегодняшний день система регулирования финансового рынка в России функционирует недостаточно эффективно, но имеет при этом значительный потенциал для осуществления качественного скачка на новый более эффективный уровень регулирования.

Стоит дополнительно отметить, что, решение данного вопроса требует оперативности, поскольку проблема несет в себе значительные риски:

- степень воздействия на рынок побочных негативных последствий принятия регуляторных решений может превышать полезный эффект последних;

- регулирование рынка без учета мнения участников может привести к эффекту ухода бизнеса, представленного на финансовом рынке, на другие рынки (на иную территорию, в иную отрасль);

- снижение привлекательности финансового рынка России для международных инвесторов вследствие неадекватности регуляторных решений.

Учитывая вышесказанное можно выделить следующие основные причины высокой частоты спонтанных побочных отрицательных эффектов при введении новых мер регулирования и неэффективности регулирования при наличии потребности у участников рынка в решении проблем:

- необходимость оперативного решения остро встающих перед регулятором проблем;

- отсутствие оценки регулятором возможных побочных отрицательных эффектов;

- разнонаправленность действий регуляторов;

- конкуренция регуляторов в решении проблемы;

- значительные трудности учета мнения, решения проблем, имеющих особое значение для участников рынка;

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих обозначенные выше проблемы существующей системы регулирования. На протяжении значительного периода времени, начиная с 2007 г., негосударственными пенсионными фондами неоднократно понимался вопрос неэффективности инвестирования средств пенсионных накоплений и резервов. Проблема заключалась в чрезмерной узости спектра инвестиционных возможностей, предоставляемых управляющим компаниям в части размещения средств пенсионных резервов и инвестирования средств пенсионных накоплений НПФ. Однако этот вопрос так и оставался без ответа вплоть до февраля 2009 года, когда на фоне международного финансового кризиса национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов (НАПФ) представила мнения и участников рынка относительно имеющихся и желаемых инвестиционных возможностей управляющих компаний в Общественной палате России [3]. В результате этой инициативы, которая потребовала активности НАПФ, в течение почти полугода произошли значительные изменения в законодательстве, позволившие НПФ продемонстрировать неплохую доходность инвестирования пенсионных резервов и накоплений в 2009 г. и компен-

сировать за счет этого часть убытков, понесенных по итогам кризисного года. Однако, в случае, если бы такие изменения были приняты ранее, и рассмотрение вопроса не заняло значительного промежутка времени, результаты как кризисного года, так и следующего могли бы быть значительно лучше. Кроме того, Министерством финансов была одобрена инициатива НАПФ, позволявшая не отражать НПФ убытки 2008 г., а заносить их на отдельный счет, с тем, чтобы компенсировать их за счет доходов будущих периодов. Многие участники рынка приняли тактику отражения убытков по итогам года с тем, чтобы в последующие годы демонстрировать лучшую доходность. Однако, позднее регулятор рынка издал приказ о методике расчета стоимости чистых активов НПФ, согласно которому НПФ должны компенсировать убытки за счет собственного имущества, и не имеют права отражать убытки. В результате подобных непоследовательных решений у многих участников рынка возникли значительные трудности, препятствовавшие нормальной, продуктивной работе. Развитие ситуации со следующим примером можно наблюдать в текущем времени. Абсолютно понятна забота Министерства финансов о необходимости принятия мер с целью препятствия ухода от налогов при покупке не-движимости через ЗПИФН. Однако способ реализации такой заботы вызывает недоумение у профессиональных участников. Так, изначально Министерство финансов предложило поправки в законопроект о паевых инвестиционных фондах, согласно которым ЗПИФН должны облагаться налогом на имущество, который управляющие компании обязаны выплачивать за счет собственных средств. Парадокс ситуации заключал-

ся в том, что в ряде случаев управляющие компании оказались бы банкротами, поскольку собственного имущества многих из них было бы недостаточно для уплаты налога. В результате инициативы ФСФР, НАУФОР, НЛУ и НАПФ законопроект был изменен - налог на имущество управляющей компании позволили уплачивать за счет средств фонда, находящегося в управлении. Но и такой подход не является дифференцированным, поскольку в одну категорию попадают и те, кто уходит от налогов, и те, кто реализует инвестиционные проекты посредством ЗПИФН. Даже в таком виде нововведение приведет к значительному оттоку капитала, выводу средств из ЗПИФН, сделает рынок крайне привлекательным, поскольку налог будет выгоднее платить непосредственно на имущество исходя из его балансовой стоимости. Более того, пайщики фондов могут попасть под двойное налогообложение, поскольку существует еще налог для физических лиц, владельцев ЗПИФН. В целом же, негативные последствия за счет побочных эффектов подобного регуляторного решения могут быть значительно серьезнее: в случае нехватки средств фонда для уплаты налога плательщиком должна выступать управляющая компания. Как уже говорилось ранее, собственных средств УК может не хватить для уплаты налога, либо сумма выплат будет довольно серьезной и значительно скажется на деятельности управляющего. В этом случае может произойти банкротство многих участников рынка коллективных инвестиций, снижение доходности НПФ, возникнут проблемы у иных фондов, находящихся под управлением той УК, которая не сможет выплатить

налог на имущество ЗПИФН. Инициатива Министерства в данном случае понятна и обоснована. Однако, предлагаемый подход абсолютно неприменим, поскольку негативные побочные последствия значительно превысят положительный эффект.

Если рассматривать проблему регулирования финансового рынка с более высокого уровня можно выделить две стороны: участников финансового рынка и государство. Государство преследует свои цели, регулируя рынок: защитить права инвесторов, обеспечить поступления в бюджет за счет налогов и сборов, создать внутреннюю и международную привлекательность рынка. Интересы участников рынка в регулировании следующие: получение дохода, наличие широкого спектра инвестиционных возможностей, наличие возможностей для реализации инвестиционных проектов, привлечения внутренних и внешних инвесторов. Из вышесказанного видно, что цели и государства и участников рынка совпадают. Для эффективного регулирования рынка необходимо найти компромисс интересов государства и участников рынка в спорных вопросах, учитывая интересы каждой стороны.

Таким образом, на сегодняшний день, осуществляя регулирование рынка, государство практически не считается с мнением участников рынка. Участники рынка с трудом решают вопросы, позволяющие повысить эффективность функционирования финансового рынка. Очевидно, что основой проблемы является отсутствие системы эффективной коммуникации органов власти и участников рынка.

С целью решения вышеуказанной проблемы можно предложить следующие

альтернативные варианты взаимодействия участников рынка и органов государственной власти:

- формирование механизма взаимодействия участников рынка и органов государственной власти на основе существующих регуляторов (Центробанк, ФСФР, Росстрахнадзор);

- формирование системы взаимодействия участников рынка и органов государственной власти на основе независимых профессиональных объединений профессиональных участников (НАУФОР, НЛУ, НАПФ);

- формирование новой независимой структуры для выстраивания взаимодействия участников рынка и органов государственной власти.

Сравнительные характеристики предлагаемых систем взаимодействия участников рынка с органами государственной власти представлены в табл.1.

Каждый из предложенных вариантов имеет как свои положительные черты, так и свои недостатки, однако наиболее целесообразными представляются варианты формирования новой коммуникационной структуры либо на основе ФСФР с наделением последней новым функционалом, возможностями и обязанностями, либо за счет формирования полностью новой независимой структуры. ФСФР с каждым годом проявляет в себе все большие черты будущего мегарегулятора финансового рынка – с этой точки зрения наделение данной структуры новым функционалом может дать быстрый эффект ввиду существующего опыта. Возможность формирования полностью независимой новой структуры является другим предпочтительным вариантом, однако потребует четкого разделения

Таблица 1

Сравнительные характеристики
предлагаемых систем взаимодействия участников рынка
с органами государственной власти

Характеристика	Центробанк, ФСФР, Росстрахнадзор	НУФОР, НЛУ, НАПФ	Новая структура, наделяемая полномочиями коммуникатора
Независимость, непредвзятость	Зависимость от органов государственной власти	Зависимость от той или иной категории участников рынка	Независимость
Опыт работы в сфере регулирования	Значительный	Достаточный	Нет опыта
Риски	Конкурентная борьба, как в случае наделения новыми полномочиями одного регулятора, так и в случае наделения новыми полномочиями всех регуляторов	Конкурентная борьба, как в случае наделения новыми полномочиями одной из структур, так и в случае наделения новыми полномочиями всех профессиональных ассоциаций	Конкурентная борьба со стороны регуляторов

полномочий и ответственности с существующими регуляторами на финансовом рынке.

Механизм функционирования предлагаемой новой структуры можно схематически представить следующим образом (рис. 1).

Коммуникатор финансового рынка мог бы стать ключевым звеном двух основных процессов с целью решения обозначенных выше проблем: процесса

консолидации и передачи информации от участников рынка органам государственной власти при возникновении у участников рынка проблем, требующих решения и процесса информирования участников рынка, сбора, анализа и представления органам государственной власти информации от участников рынка при наличии инициативы регулятора по изменениям регулирования финансового рынка.

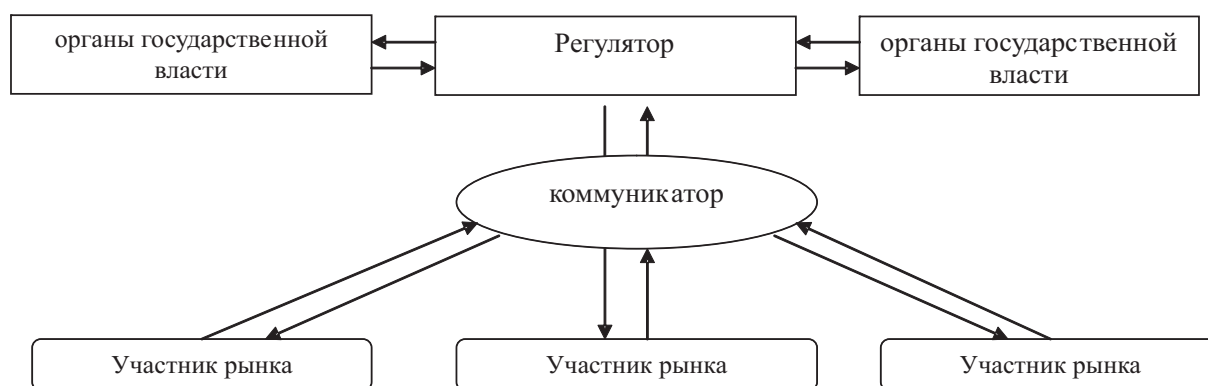

Рис. 1. Механизм функционирования предлагаемой новой структуры

Рассмотрим эти процессы подробнее. Например, в случае появления регуляторных инициатив со стороны государства или регулятора информация об этом в первую очередь должна представляться коммуникатору, который оповещает всех заинтересованных участников рынка, а также тех, на кого нововведение может оказать опосредованное выраженное негативное влияние. Кроме того, участники рынка смогут выступать с инициативой и представлять на рассмотрение коммуникатора информацию, о возможном негативном влиянии новых регуляторных мер на участника рынка даже в случае, если ни регулятор, ни коммуникатор подобных последствий не предполагают. Участники рынка затем должны будут предоставить коммуникатору свой прогноз воздействия на них регуляторных мер и предложения по улучшению. Коммуникатор, в свою очередь, должен будет консолидировать информацию и представить регулятору, для принятия решения о введении регуляторной меры, либо о ее доработке, коррекции, либо отмене. Крайне важным моментом при этом видится установление жестких временных рамок всех этапов данного процесса, а также мер ответственности заинтересованных сторон за предоставление своевременной и достоверной информации.

В случае наличия потребности у участников рынка в решении той или иной проблемы коммуникатор собирает «заяв-

ки» по регулированию того или иного вопроса. При достижении «критической массы» заявок участников рынка (например, более 40% числа участников определенного типа) коммуникатор должен инициировать процедуру представления данного вопроса на рассмотрение регулятора. Данный процесс при этом должен также иметь жесткие временные рамки, предусматривать меры ответственности для всех участников процесса за соблюдение установленных сроков. Кроме того, все процессы должны иметь открытый характер, а информация иметься в открытом доступе. Регуляторы и органы государственной власти, участвующие в данном процессе должны нести ответственность за рассмотрение всех заявок в срок и предоставление мотивированных ответов по ним.

Создание на отечественном финансовом рынке новой структуры, либо наделении существующей функциями коммуникатора финансового рынка позволит создать эффективный механизм, позволяющий решить проблему высокой частоты спонтанных побочных отрицательных эффектов при введении новых мер регулирования, обеспечить оперативность, адекватность регулирования при наличии потребности у участников рынка в решении их проблем. В целом это позволит повысить эффективность функционирования отечественного финансового рынка, улучшит его привлекательность в глазах зарубежных инвесторов.

Список литературы

1. Департамент исследования и информации Банка России. Обзор финансового рынка. Пер-вое полугодие 2010 года № 2 (69)
http://www.cbr.ru/analytics/fin_r/fin_mark_01-2010.pdf
2. Следующий год будет немного лучше, чем этот. 05.12.2010 03:26
<http://bankir.ru/publication/article/8277035>

-
3. НАПФ предложила план поддержки системы негосударственного пенсионного обеспечения // РосФинКом <http://npf.investfunds.ru/news/11608>
 4. Управляющие компании пожаловались Медведеву и Путину 17.11.2010 Альберт Кошка-ров :<http://www.rbcdaily.ru/2010/11/17/finance/528388>

References

1. Research and Information Department of the Bank of Russia. Financial overview market. First half of 2010 № 2 (69)
http://www.cbr.ru/analytics/fin_r/fin_mark_01-2010.pdf
2. Next year will be any better than this. 05.12.2010 03:26
<http://bankir.ru/publication/article/8277035>
3. NAPF proposed a plan to support the private pension system /RosFinKom <http://npf.investfunds.ru/news/11608>
4. Asset management companies have complained to Medvedev and Putin 11/17/2010 Albert Koshkarov: <http://www.rbcdaily.ru/2010/11/17/finance/528388>

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Боровинская И.В.

О СМЕНЕ "ЛОКОМОТИВОВ" ЭКОНОМИКИ

В статье раскрываются основные тенденции изменения в структуре современных отраслей, так называемых "локомотивов" экономики, обсуждаются перспективы развития таких отраслей в российской экономике.

В настоящее время экономисты порой используют понятие "локомотив" экономики. Вместе с тем, на наш взгляд, понимание того, что относится к этому явлению, не всегда является правильным. В целом под "локомотивом" экономики следует понимать такие сферы экономики, которые вытягивают производство в других сферах. При этом сам "локомотив" непосредственно может и не давать большого объема валового продукта, но за счет созданной цепочки производства в других отраслях или за счет обеспечения условий производства в разных отраслях способствует созданию большого объема национального валового продукта.

Во второй половине 20 века "локомотивом" экономики в Советском Союзе, также как в США и Европе являлся военно-промышленный комплекс. Именно в эту сферу направлялась большая часть государственного бюджета развитых стран, что объяснялось жесткой конкуренцией стран социалистического и капиталистического лагеря. В результате в этой сфере концентрировались материальные и интеллектуальные ресурсы. Ряд достижений отечественной негражданской науки и

практики 70-80-х гг. прошлого века до сих пор не превзойден западом. Именно в военной и космической отраслях появлялись прорывные открытия, новые материалы, технологии, технические принципы.

Однако в Советском Союзе влияние этой сферы на общее состояние экономики существенно ограничивалось, поскольку все негражданские достижения были строго засекречены и оставались в пользовании негражданскими объектами. На Западе, в отличие от Советского Союза, развивался механизм передачи негражданских достижений, а также фундаментальных исследований в гражданскую сферу. Именно на Западе появились такие формы малых предприятий, как "спин-офф". В становлении этих фирм большую роль играет государство, которое поощряет их создание, осуществляет финансовую, информационную, организационную поддержку.

С развитием экономики появились новые "локомотивы", что является общемировой тенденцией. Одним из "локомотивов", являются информационные технологии. Это направление обеспечивает появление и распространение знаний.

Знания в современном обществе являются основой богатства. Именно они во многом определяют конкурентоспособность организаций, стран, регионов, выступают ключевым ресурсом развития. При этом существенным становится процесс не только создания новых знаний, но и их передачи, тиражирования, трансформации. Информационные технологии обеспечивают и поддерживают эти процессы. В результате страны, которые занимают передовые рубежи в этой сфере, получают существенное конкурентное преимущество на рынке.

В нашей же стране развитие информационных технологий осуществляется недостаточными темпами. Одной из причин такого процесса является продолжающаяся активная "утечка мозгов". Так с 1992 г. из России эмигрировало более 3 млн. специалистов за 2009 г. [1]. Среди эмигрировавших специалистов большой интерес вызывают в том числе специалисты в области информационных технологий. Причины такой ситуации давно известны. Это и отсутствие условий для работы, низкая оплата труда, низкая востребованность результатов.

По мнению некоторых специалистов [2] существенные изменения в "локомотивах" экономики наблюдаются и в результате экономического кризиса. В России кризис в большей степени сказался на финансовой сфере, строительстве, ритейле. Также пострадали металлургическая промышленность, отдельные сферы машиностроения. Существенно снизили размеры инвестиционных программ практически все крупные нефтяные компании. И из этого делается вывод, что в стране происходит смена "локомотивов" экономики.

Конечно, в результате кризиса перенесенные отрасли пострадали. Вместе с

тем ведущая роль в экономике страны этих сфер остается. Кризис постепенно закончится, и отрасли восстановятся. Восстановление экономики приведет к восстановлению спроса, приведет к подъему этих отраслей и возвращению их на прежние позиции.

Особое положение занимают добывающие предприятия. Растущие экономики обеспечивают растущий спрос на сырье. Показательным является, например, то, что цены на нефть в январе 2011 г. приблизились к отметке 100 долларов за баррель. Доходы России в большой мере определяются доходами добывающей сферы. Высокая стоимость нефти на мировом рынке возродила идею формирования нового стабилизационного фонда страны. Все это говорит о большом значении добывающих предприятий. Не смотря на то, что потенциал роста ВВП РФ за счет нефтегазового сектора исчерпан, тем не менее эта отрасль обеспечивает производство других отраслей. А залогом дальнейшего роста ВВП, а также народного благосостояния является модернизация и инновация экономики.

Вместе с тем у нас принято говорить о добывающей сфере как об однозначно низко технологичной. Ее постоянно противопоставляют инновационным предприятиям. Однако такое представление является в корне не верным. В настоящее время условия залегания полезных ископаемых становятся все более сложными с геологической и географической точки зрения. В связи с этим для извлечения полезных ископаемых невозможно обойтись без сложной наукоемкой техники и передовой технологии. Крупные добывающие предприятия, машиностроительные предприятия, сервисные и прочие предприятия, могут иметь в своем

составе исследовательские отделения и даже институты. Предприятия активно поддерживают образование и осуществляют целевую подготовку специалистов. Все это обеспечивает появление и внедрение инноваций в добывающей сфере. Перспективы заключаются в более высоких темпах качественных изменений данной сферы, в более глубокой и качественной переработке сырья, в производстве конкурентоспособных товаров на основе сырья и продуктов переработки.

В качестве одного из новых "локомотивов", рядом экономистов, указываются предприятия, использующие наукоемкие технологии. Интеллектуальный потенциал России велик. В России огромное количество природных ресурсов, высокий образовательный уровень населения, развитая сеть самых различных направленностей ВУЗов. Вместе с тем востребованность инноваций на предприятиях низкая. Причиной этого является отсутствие достаточной поддержки со стороны государства, недостаточно развитая инновационная инфраструктура. Мощным катализатором развития инноваций могут послужить те отрасли, которые имеют отношение к нашим природным и географическим преимуществам (нефти, газу, лесу, обширной территории), либо те, в которые уже произведены огромные инвестиции (космос, атомная энергетика) [3].

В целом, рост экономики страны обеспечивают в основном наиболее конкурентоспособные сегменты в каждой отрасли. Они развиваются существенно быстрее, чем экономика в целом, но официальная статистика не отражает в полной мере их масштабы и количество компаний, которые к ним относятся. Именно они становятся крупнейшими

налогоплательщиками и начинают определять развитие тех или иных отраслей. Именно они активно участвуют в процессах слияний и поглощений, выходят на IPO и активно занимаются оптимизацией бизнес-процессов и организацией внутреннего аудита и контроля. Однако инновации в стране не носят массового характера, поэтому рост экономики за счет этого направления пока незначителен.

Еще одним актуальным направлением для Российского государства является поддержка сферы услуг и отраслей с коротким циклом производства. Эти сферы являются безусловно важными, однако отнести их к "локомотивам" экономики нельзя. Да, развитые страны большую часть своего валового продукта получают за счет сферы услуг, а не материального производства. В связи с этим современную экономику называют постиндустриальной. Однако из этого не следует, что значение материального производства снижается. Дело в том, что производительность ресурсов в производственной сфере высокая и часть ресурсов высвобождается и направляется в сферу услуг. Кроме того, в связи с высокой сложностью технологий и оборудования появляется потребность в производственных услугах. Машиностроительные предприятия начинают сами получать большую часть дохода от реализации услуг и технологий, а не от реализации техники.

Именно крупные предприятия являются ведущими в сфере экономики, поскольку именно в них концентрируются всевозможные виды ресурсов и средств, именно они обладают большим потенциалом развития. В результате углубляющейся специализации производства крупные предприятия обеспе-

чивают заказами другие предприятия, отрасли, сферы деятельности и способствуют увеличению валового внутреннего продукта.

Также, "локомотивом" экономики может стать и строительство, как это произошло в экономике США. Не смотря на то, что вклад самой отрасли в ВВП США составляет порядка 4% (по данным на 2008 г. [4]), на эту отрасль работают другие сферы и их совокупный вклад в ВВП оценивается ориентировочно в размере 20% ВВП. В России доля ВВП, приходящаяся непосредственно на строительство, составляет порядка 6% [4, 5]. Однако, чтобы строительная отрасль могла стать "локомотивом", необходимо, чтобы

строительство стало прежде всего доступным для граждан. Для этого следует пересмотреть государственную политику в отношении строительства, а также социальную политику. Благоприятный инвестиционный климат и экономическая обстановка, будут способствовать развитию строительства для нужд бизнеса.

Итак, со временем "локомотивы" экономики меняются, однако такая смена происходит медленными темпами. Направления изменений в структуре экономики России аналогичны изменениям в развитых странах. Вместе с тем специфика российских условий накладывает свой отпечаток и на этот процесс.

Список литературы

1. <http://stop.standarta.net/rus/articles/2.html>
2. Новиков А.В., Новикова И.Я. Кризис как способ движения вперед. // ЭКО, 2009, № 6. С. 3-22.
3. <http://conf.bstu.ru/conf/docs/0033/0756.doc>
4. <http://lemur-911.livejournal.com/12726.html>

Чащин В.В.

МАРКЕТИНГ ПЕРСОНАЛА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ ПРИ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА

В статье автор раскрывает теоретические основания и телеологическую сущность маркетинга персонала как особого подхода к управлению внутренней средой предприятия. Автор показывает, каким образом маркетинг персонала может эффективно влиять на целевые функции и параметры ограничений хозяйственной жизни организации, в том числе при адаптации персонала.

*Катастрофа случается не тогда,
когда мы знаем, что чего-то не знаем,
а тогда, когда мы этого не знаем*

Д. Рамсфилд

Адаптация персонала сегодня по праву считается одним из основных элементов как системы управления персоналом, так и системы управления развитием предприятия в целом.

В то же время сложившийся в российской теории управления организацией подход к исследованию методологических основ адаптации персонала и разработке механизмов осуществления адаптации новых работников не всегда отвечает реалиям постиндустриальной, информационной экономики и общим принципам так называемой "организации будущего": организации как бизнес-системы, отличающейся слабой формализацией внутренней среды, децентрализацией, инновационностью, слабой иерархичностью.

■ Приведем демонстративный пример. "Трудовая адаптация персонала - это взаимное приспособление работника и организации", - указано в [2]. Адаптация, по мнению авторов данного источника, включает в себя:

■ процесс инкорпорирования работника в производственную деятельность, усвоения им условий достижения нормативов производительности труда;

■ приспособление к социальным нормам поведения, действующим в коллективе, установление отношений сотрудничества работника и коллектива.

Цели адаптации в [2] выделяются следующие:

■ уменьшение издержек инкорпорирования нового сотрудника;

■ снижение для новых работников неопределенности во взаимодействии с внутренней средой организации;

■ сокращение текучести рабочей силы;

■ увеличение удовлетворенности персонала работой.

Кроме того, в [2] указываются четыре этапа адаптации:

■ подготовительный (разработка условий для проведения процесса адаптации);

■ информационный (ознакомление

нового работника с предприятием на основе информационно-рекламной продукции);

- ознакомительный (непосредственное знакомство с рабочим местом и коллективом);

- адаптационный (работа с наставником, заканчивающаяся оформлением адаптационного листа).

Управление адаптацией, согласно [2], производится на основании оценки уровня адаптированности сотрудника (по двум группам критериев: объективным - продуктивность деятельности, субъективным - удовлетворенность нового сотрудника трудом, мнение о деятельности нового сотрудника взаимодействующего с ним персонала).

На основе приведенных выше определений представляется целесообразным уточнить цели и задачи адаптации персонала.

Например, снижение текучести кадров не может являться одной из главных, выделенных задач адаптации персонала, поскольку зачастую закрепление сотрудников на предприятии связано со снижением их социальной мобильности, творческой, профессиональной активности. Эффективность деятельности таких "постоянных" работников весьма сомнительна.

То же самое можно сказать и об удовлетворенности трудом. При высочайшем уровне мотивации сотрудников эффективность их деятельности может быть недостаточной.

Снижение издержек инкорпорирования новых сотрудников (декларируемое лишь качественно) также не может служить самостоятельным ориентиром без сравнения с величиной издержек на саму адаптацию. В некоторых моделях (например, в

поисковых моделях Мортенсена-Писсаридеса) данный аспект имеет решающее значение для прогнозирования поведения работников и работодателей.

Наконец наиболее существенное замечание: декларируемый в приведенном выше определении взаимный характер адаптации (работника и предприятия) никак не учитывается при рассмотрении конкретных этапов и механизмов адаптации. Более того, *de facto* здесь часто рассматривается лишь адаптация работника, а предприятие выступает в роли своеобразного лапласового субъекта - всезнающего и неизменного. В то же время следует отметить, что в действительности в процессе адаптации взаимодействуют три вида субъектов, обладающих относительно самостоятельными специфическими информационно-когнитивными сферами:

- предприятие (в качестве абстрактного субъекта) с корпоративной памятью, включенной в информационно-коммуникативную среду;

- новый работник;

- совокупность старых работников предприятия, затрагиваемых интериоризацией нового работника.

И если адаптация нового работника изучена довольно подробно, то поведение адаптирующегося к новому работнику предприятия, старых работников исследовано не достаточно.

Таким образом, традиционно предлагаемые механизмы адаптации персонала не снимают неопределенности при принятии решений всеми заинтересованными субъектами трудовых отношений. При этом эмпирическая результативность различных адаптивных действий не может служить индикатором их (действий) эффективности, поскольку

анализ альтернатив, как правило, не проводится, и не исключено, что "естественная", не целенаправленная адаптация могла быть в данном случае не менее результативной.

В отношении последнего предположения следует пояснить, что адаптация является весьма тонкой настройкой механизма трудовых отношений ("грубая" настройка априори производится всем комплексом институциональных регламентов и соглашений по поводу рынка труда, а также предконтрактной работой, не исключающей, впрочем, и оппортунизма *ex ante*). Именно поэтому руководители предприятий зачастую избегают значительных усилий, направленных на развитие системы адаптации персонала. Поскольку при адаптации речь идет о многокритериальной оптимизации, велик риск при улучшении показателей производительности нового сотрудника или коллектива в целом ухудшить другие, не менее важные характеристики - например, рентабельность производства.

Осознавая сложность стоящих при анализе рассматриваемых процессов задач, менеджеры элиминируют данные риски, полагаясь на адаптирующие возможности социальных институтов и темпоральной среды организационной системы (в последнем случае - в опоре на наивно-байесовский алгоритм).

Конечно, при этом возникают другие риски - например, риски усиления текучки кадров и появления потерь, связанных с воспроизводством трудовых ресурсов. Однако руководители предприятий все же вполне обоснованно и целенаправленно могут пользоваться кадровой стратегией, характеризующейся известным на Западе девизом "hire and fire" ("нанять и уволить"). Иными словами, при выборе в

качестве основы оценки эффективности общесистемных целевых критериев адаптация отдельных работников становится процессом второстепенным.

Распространенность такого подхода заставляет подойти к интерпретации понятия адаптации более широко. Дело в том, что сам найм работника и его последующая адаптация являются следствиями адаптационных действий предприятия. Будучи функциональной системой, организация стремится не к усложнению, а к максимальной - внешней и внутренней - адаптации. Усложнение, развитие, прогресс, в том числе расширение состава работников или смена персонала, - лишь формы адаптации организационной системы.

Адаптация, таким образом, выступает здесь не только как свойство индивида, но, прежде всего, - как системное свойство. Такая адаптация является формой коллективной объективности, адекватности, причем непосредственность человека здесь снимается, как снимается и бинарность оценок его деятельности - "истина-ложь", "правильно - не правильно", "адаптировался - не адаптировался". Суперпозиция адаптаций предприятия и работника существенным образом определяет и дискурсивность этого процесса: успешность организационной адаптации поверяется успешностью индивидуальной адаптации, и наоборот.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что цель эффективной адаптации нового персонала может и должна быть связанной с более общей, но и более точной целью, - повышение эффективности адаптационной деятельности организационной системы, инкорпорирующей нового сотрудника, при чем вновь открывающееся системное поле

отношений является для акторов, по существу, началом "новых операций" (термин теории исследования операций).

Следует подчеркнуть, что эффективность (effectiveness) в данном случае, по П. Дракеру, имеет существенно иной смысл, нежели производительность (efficiency). Последняя понимается, как действие, произведенное должным образом, а эффективность может быть интерпретирована, как действие, имеющее должную цель, учитывающее особенности бизнес-процессов организации.

При адаптации, цель которой отвечает требованиям указанных тезисов, и, в частности, методологическим установкам теории исследования операций, в основном необходимо учитывать три фактора, влияющих на поведение участников процесса:

- специфические неопределенности (в том числе, неопределенности автоинформированности, предполагающей знание субъектами взаимодействия в той или иной форме и степени системы собственных предпочтений);

- стоимость стратегий преодоления данных неопределенностей;

- устойчивость решений адаптации (при малых вариациях исходных данных вариации решений не должны покидать заданную область, что предполагает выбор критерия и оценку качества критерия, а также оценку качества прогноза последствий принимаемых решений).

С точки же зрения неинституциональной экономической теории речь здесь идет о проблемах доопределения неполного контракта, заключающихся в основном в согласовании сторонами величин взаимных специфических дополнительных инвестиций. Таким образом, здесь цель

адапционной деятельности может быть установлена в виде необходимости создания мотивационного контекста, достаточного для побуждения сторон трудовых отношений - нового сотрудника, прежнего персонала, работодателя - к осуществлению специфических инвестиций доопределения контракта.

Кроме того, с позиций менеджмента организационных систем процесс адаптации персонала в целом может рассматриваться как вид изменения, и, тем самым, трактоваться в парадигме "устойчивость-развитие". Основной проблемой здесь является управление сопротивлением изменениям. Соответственно традиционная, функциональная адаптация персонала (описанная, например, в [2]), может пониматься в данном случае, как попытка полной элиминации изменений в деятельности организационной системы, то есть фактически - как дезавуирование сущности адаптации. Например, сформулированные в указанном источнике частные критерии эффективной адаптации нового работника (дисциплинирован в работе, неконфликтен, высоко оценивает условия труда, устойчиво закреплен в коллективе) не допускают, по сути, девиантного поведения вообще, в том числе инновационного, но имплицитно опираются на низшие формы приспособленческого поведения. Проводя "биологическую" аналогию (корректную, конечно, лишь отчасти), можно заметить, что речь здесь идет не о симбиозе, а о мимикрии. И хотя в рамках эволюционной теории игр имитация является "нормальной" стратегией, для инновационно ориентированного предприятия данный вид отбора явно является ухудшающим.

Также следует отметить, что в любом случае осуществление адаптации, при-

званной на первый взгляд снижать неопределенности во взаимодействии сторон трудовых отношений, само влечет появление трудно устранимых неопределенностей. В известном смысле эта проблема является частным случаем вопроса о соотношении в организации прямого управления и программирования. С одной стороны программирование снижает издержки менеджмента организационной системой, но может порождать неприятные эксцессы (особенно демонстративно это проявляется при попытках борьбы с оппортунизмом с помощью стимулирования потенциального оппортуниста через конструирование контругроз, - во многих случаях это приводит к установлению равновесия в не оптимальных для центра сценариях). С другой стороны прямое управление повышает предсказуемость развития процессов в организационной системе, но далеко не всегда возможно и вызывает значительный рост издержек.

В целом, с учетом изложенного выше, можно выделить три типа неопределенностей:

- декларативно-информационные (согласно [12]);
- операционно-информационные;
- структурно-семиотические.

Разрешение декларативно-информационных неопределенностей зависит от количества информации (например, по К. Шеннону), которой обмениваются организация, новый и старый сотрудники, а также от адекватности представления этой информации (формирование знания как предпосылки к действию).

Преодоление операционных неопределенностей зависит от количества организационно-производственных действий (ОПД) акторов (формирование знания как целенаправленного действия).

Последний вид неопределенностей (структурно-семиотических), согласно [8], объединяет неопределенности, возникающие при обмене специфическими инвестиционными структурами в сфере человеческих ресурсов. Иными словами, предполагается, что взаимная адаптация структур работника и предприятия происходит по инвестиционному сценарию, то есть сторонами контракта осуществляется трансформация активов через взаимный обмен, в данном случае семиотическими структурами. Этот вид неопределенностей также связан с общими проблемами организационной социализации и социальной карьеры работников. Преодоление структурно-семиотических неопределенностей зависит от качества маркетинговой политики организации в сфере управления персоналом (формирование знаний как возможности взаимодействия).

Концентрация внимания на управлении каким-либо одним видом неопределенностей не эффективна. Так, например, как показано выше, при традиционном понимании адаптации одной из основных стратегий устранения неопределенностей является повышение информированности нового персонала. Однако любое познание связано с новыми случайными и неопределенными факторами, то есть повышение информированности напрямую не влияет на адаптацию. Более того, излишняя информированность может увеличивать неопределенность: появляется проблема отбора информации. В определенном смысле возникающую при переизбытке информации ситуацию можно сравнить с известной математической задачей анализа классов P и NP: при увеличении сложности "кода доступа" (например, правил и норм внутриорганизационной деятельности), в том числе по количеству информации, проверка кода становится "почти

такой же сложной", как "подбор" этого кода. Таким образом, во многом теряется смысл целенаправленных адаптационных действий.

Управление операционными неопределенностями базируется на том факте, что адаптация - процессное явление. В процессе адаптации создаются взаимные аттитуды акторов. При этом априорная информация в процессе деятельности при адаптации регулярно сопровождается апостериорным анализом и коррекцией. Иными словами, информация здесь превращается в знание, как "целенаправленное координированное действие" [12].

Следовательно, не корректно рассматривать адаптацию, как "притирку" новой детали к старому механизму. Адаптация - каждый раз процесс поиска новых оснований сотрудничества, достижения кооперативного эффекта. В этом смысле моделирование адаптации могло быть произведено при помощи формализмов, представляющих собой рекурсии байесовского типа. Дело, однако, заключается в том, что реализация итеративных механизмов часто требует значительного времени, а достигнутая таким образом рутинизация не является устойчивой (зависит от качества фильтров).

Наконец, концентрация только на структурно-семиотических неопределенностях повышает эффективность организационной социализации в целом (в том числе неформальной), однако оставляет в стороне многие конкретные вопросы профессиональной и социальной деятельности работника.

Кроме того, как уже говорилось выше, при адаптации нового персонала нельзя не учитывать и третью сторону: прежний персонал. Как показано в [4], процесс инкорпорирования нового сотрудника

сопровождается возникновением положительных экстерналий.

Некоторые способы решения проблемы положительных экстерналий при инкорпорировании нового агента известны, например, из истории культуры: речь идет об обряде инициации, в котором неофит, участвуя в тех или иных ритуалах, словно бы "оплачивал" специфические инвестиции, уже осуществленные "старожилами". В определенных формах сохраняется обряд инициации и в наши дни. Задача современного менеджмента - поиск механизма компенсации положительных экстерналий именно для экономических организационных систем.

Следует подчеркнуть, что при решении этой задачи правильно организованная дифференциация новых и старых работников в аспекте внешних эффектов является важным условием, определяющим равновесие организационной системы (в том числе, баланс между статусом работников и положениями контракта). Для старых работников, например, более высокий статус может играть роль указанной выше компенсации положительных экстерналий, в противном случае не исключен оппортунизм. Для новых работников адаптационный разрыв между ними и формально-иерархически (контрактно) одноуровневыми сослуживцами может служить триггером, раскрывающим горизонты потенциальной полезности организации. Конечно, разрыв при этом должен быть принципиально преодолимым, а способы преодоления - познаваемыми и доступными. Таким образом, вновь встает вопрос о неопределенностях.

Для экспликации обозначенных выше проблем целесообразно построить формальные модели процесса адаптации -

хотя бы и самого общего, качественного, эвристического характера.

Процессы внутриорганизационных коммуникаций в настоящее время исследуются в рамках концепции иерархических и рефлексивных игр [7]. В таких играх указан порядок функционирования и структура информированности агентов организационной системы. Однако недостатком данного подхода является концентрация внимания исключительно на информационной неопределенности, тогда как операционная и семиотическая неопределенности имеют для трудовых отношений не меньшее значение, при этом информационный аспект является здесь преимущественно внешним. Кроме того, согласно [1], учесть все нюансы информационной структуры практически невозможно, если векторы действий агентов в организационной системе имеют большую размерность, - при этом возникает слишком большое количество вариантов взаимной информированности, дело осложняется также неустойчивостью размерности коммуникационного пространства организационной системы. Таким образом, в нашем случае целесообразно использовать общие модели теории исследования операций.

Как указано в [1], эффективность операции (адаптации в нашем случае) зависит от обстановки операции - факторов, не контролируемых оперирующей стороной. Неконтролируемые факторы следует разбить на следующие категории:

- фиксированные, значения которых известны;
- случайные, с известными законами распределения;
- неопределенные, относительно которых известна только область их изменения.

Неопределенные факторы в свою очередь можно разбить на "природные", происходящие из-за недостаточной изученности процессов, факторы, обязанные своим появлением нечеткости цели или критерия, и факторы, выражающие действие иных акторов, не преследующих цель оперирующей стороны.

Существенным является (в соответствии с [1]) тот факт, что если величина a неопределенная, то ее можно считать случайной, но с законом распределения, в котором есть неопределенный фактор. Соответственно различают три вида информированности о законе распределения случайной величины:

- закон распределения известен достаточно точно;
- известен тип закона распределения, однако не достаточно известны значения вектора параметров, которые индивидуализируют закон распределения (указанная выше трансформация неопределенностей в случайные величины относится именно к этому случаю);
- неизвестен закон распределения, но известно конечное число его характеристик: либо конкретные значения, либо моменты закона распределения.

Последний случай (интервальной неопределенности) относительно предмета настоящего исследования имеет особую важность, поскольку не предполагает обращение к априорному знанию. Определение оптимальной стратегии при таком подходе не требует знания цели противника, предположений о характере знаний противника; оценка гарантированного результата основывается на предположениях о наихудшем противнике, преследующем противоположные интересы. Таким образом, стороны, придерживающиеся при неадапти-

рованном варианте сотрудничества хорошо известных в теоретическом смысле максиминных стратегий, формируют значительные "страховые" резервы и не склонны осуществлять дополнительные специфические инвестиции. Следовательно, максиминная стратегия в "широком" системном смысле не является оптимальной, и собственно адаптационные стратегии как раз и призваны устранить этот недостаток, формируя условия динамики трудовых процессов с новыми участниками.

Итак, в условиях неопределенности актер, начинающий реализацию новых операций, придерживается наилучшей гарантирующей стратегии (максимина). В предлагаемой методологии исследователь (субъект трудового взаимодействия, - новый сотрудник, предприятие, старый сотрудник) - не арбитр, не лапласов наблюдатель, но игрок, принимающий индивидуальные решения. Критерий эффективности деятельности игрока:

$$W = F(X, Y),$$

где: X - стратегии, Y - неопределенные факторы.

В [1] указано, что задача о поиске максимума любой функции $f(x)$ при заданных условиях (ограничениях) эквивалентна задаче нахождения наилучшей гарантирующей стратегии для критерия эффективности

$$f(x) + \Phi(x) = L(x, \mu), \text{ где: } m \geq 0.$$

Это утверждение "придает игровой смысл множителям Лагранжа как неопределенным факторам в задаче поиска оптимальной стратегии для формы Лагранжа" [1]. Наличие ограничений оказывается

эквивалентом появлению "противника" - независимого актора, неконтролируемого обстоятельства.

Соответственно поведение адаптирующегося актора может быть понято и как игра с набором собственных стратегий и неопределенных факторов с одним критерием эффективности, и как задача поиска максимума иного критерия эффективности при наличии условий (ограничений), причем неопределенные факторы здесь будут играть роль множителей Лагранжа, интерпретация которых зависит от вида нового критерия эффективности.

Таким образом, задача оптимизации с целью устранения неопределенностей при втором подходе в данной модели сводится к выявлению целевой функции, выявлению ограничений и определению множителя Лагранжа. Такой формализм, следовательно, удобен тем, что в нем отражены все три вышеуказанные виды неопределенностей:

- целевая функция $f(x)$ выражает структурно-семиотические установки актора.

- функция ограничений $\Phi(x)$ указывает на информационную составляющую процесса, в том числе в аспекте деятельности независимых игроков.

- множитель Лагранжа является операционным фактором, который, помимо прочего, может быть интерпретирован как предельная полезность информированности для целей актора.

Представляется, что такое разложение процесса адаптации фактически используется в организационных системах, однако внимание уделяется преимущественно декларативно-информационному фактору, или в нашем случае - функциям ограничения, тогда как целевая

функция также играет здесь существенную роль, а от соответствующим образом интерпретированного множителя Лагранжа осуществление адаптации вообще зависит напрямую.

В связи с этим хотелось бы заметить следующее: ограничения, и адаптация в целом, существенным образом связаны с понятием конфликта. Управление же конфликтами, как указано в [5], заключается в обеспечении динамики, то есть процесса разрешения конфликта, и в недопущении возникновения псевдофазы кризиса в конфликте, то есть стагнации конфликта.

В описанной выше ситуации такая стагнация как раз и может происходить, если разложение процесса адаптации по форме Лагранжа (при концентрации внимания только на информационно-декларативном аспекте) в последующем не приведет к корректному синтезу, при котором ситуация неопределенности, обуславливающая крайний пессимизм актора, трансформируется в систему субъективных вероятностей, выражающих степень предпочтения с позиции лица, принимающего решения, в отношении шансов появления того или иного события (критериального значения) перед другими.

Подчеркнем еще раз, что приведенные формализмы носят эвристический характер и призваны очертить общие границы и возможные схемы процесса адаптации.

Хотелось бы также кратко остановиться на следующем аспекте рассматриваемой проблемы. Деятельность организационной системы в целом непосредственно связана с динамической системой внутренних ограничений (институционалов), обладающих определенной конфигу-

рацией. При этом ограничения являются, по сути, специфическим проявлением закономерностей функционирования организации, то есть проявлением устойчивых и необходимых связей элементов этой системы. Таким образом, ограничения фактически определяют порядок деятельности предприятия, определяют уникальные характеристики внутренней среды, устойчивость организационной системы.

В нашем же случае важны собственно не сами ограничения, а достижение баланса между ограничениями и способами их преодоления, поскольку адаптация подразумевает не только и не столько достижение гомеостаза, сколько раскрытие адекватных способов реализации акторами своих интересов.

Необходимо учитывать также следующее. Предлагаемые в современной литературе организационные модели осуществления адаптации персонала на предприятиях (например, в [2]) зачастую имеют существенный недостаток: усложняют функционирование организационной системы, повышают бюрократизацию, ориентируют персонал на выполнение формальных показателей деятельности (производительности в ущерб эффективности).

Однако, как указано в [3], "идеальность (эффективность) системы обеспечивается тем, что ее функцию начинает выполнять другая система. Идеальность способа нередко достигается выполнением требуемого действия заранее, благодаря чему в нужный момент не приходится тратить на это действие ни времени, ни ресурсов".

В аспекте рассматриваемых вопросов речь здесь идет об упреждающей социализации и профориентационном проектиро-

вании, то есть фактически о сотрудничестве с ключевыми партнерами, например, вузами; сотрудничество это нацелено на обеспечение стратегической потребности в персонале, и, кроме того, в данном случае появляются возможности произвести преадаптацию будущего сотрудника (практики, стажировки).

В то же время необходимо учесть и следующие два обстоятельства, игнорирование которых может поставить указанное сотрудничество под вопрос. Речь идет, во-первых, о возможных изменениях конъюнктуры, технологической базы, обесценивающих долговременные инвестиции в персонал, и, во-вторых, о снижении в процессе преадаптации инновационного потенциала будущих сотрудников, поскольку еще до полноценного включения в деятельность организации новички оказываются "нагруженными" традициями и обычаями "текущего состояния", предприятия, что снижает эффективность проведения возможных изменений.

Также стоит обратить внимание на корреляцию организационной культуры и адаптационных механизмов. По существу речь идет об упомянутом выше институциональном управлении [11]. Сильная организационная культура предполагает в экстремуме институциональный монопо-

лизм [9]. Слабая организационная культура обуславливает институциональный плюрализм, крайним вариантом которого является институциональный релятивизм. Указанные факторы оказывают различное влияние на процессы адаптации (табл. 1). Задача управления адаптацией - поиск баланса между партикуляризмом или универсализмом [11].

Представляется, что именно маркетинг персонала может помочь в решении вышеуказанных управленческих проблем, поскольку адаптация, или процесс доопределения контракта, связаны с созданием уникальной конфигурации сотрудничества. Но уникальное взаимодействие как раз и формируется маркетинговой деятельностью.

Конечно, элементы маркетинга de facto всегда используются в трудовых процессах, в том числе при адаптации персонала, не зависимо от того, сознательно применяются маркетинговые технологии и инструменты или процесс идет стихийно. То же наставничество не мыслимо анализа маркетинговых характеристик персонала (без определения позиционных ролей, учета особенностей взаимодействия того или иного работника с предприятием). Кроме того, здесь целесообразно вспомнить о системном

Таблица 1.

Зависимость различных аспектов адаптации персонала от типа организационной культуры

Тип организационной культуры	Сильный (эффективный) аспект адаптации	Слабый (неэффективный) аспект адаптации
Сильная	Информационный, операционный	Структурно-семиотический
Слабая	Структурно-семиотический	Информационный, операционный

характере адаптации, что в широком смысле подразумевает реализацию при адаптации маркетинговой политики предприятия.

Рассмотрим архитектуру модели устойчивого предприятия, ориентированного на маркетинг, по Ф. Котлеру [9], включающую в себя:

- стратегию: картирование, нацеливание, позиционирование;
- тактику: дифференциация, комплекс маркетинга;
- реализацию стоимости.

Соответственно, первый этап реализации маркетинга персонала в адапционном смысле подразумевает необходимость осуществления (стимулирования) познавательной активности акторов (в том числе в отношении автоинформированности) – что соответствует устранению структурно-семиотических неопределенностей.

На втором этапе наиболее важной становится экспликация контента и контекста взаимодействия акторов, выявление инфраструктуры возможностей (структуры ограничений). Именно здесь происходит интеграция предложения и доступа, взаимная «продажа» или, по Котлеру, – закладывается основа для долгосрочных отношений, кооперации акторов, – что соответствует снятию информационных неопределенностей.

Наконец третий этап не только посвящен формированию конкретных рутин взаимодействия – выявлению в процессе производственных коммуникаций актива-

торов стоимости, осуществлению процесса реализации стоимости как технологии потребления, – но и во многом имеет критериальный смысл и подразумевает конструирование индикаторов, триггеров стоимости.

В заключение целесообразно подчеркнуть, что маркетинг персонала является эффективным механизмом дополнения контракта, которое реализуется в различных формах и процедурах согласования в ориентации на минимизацию издержек управления персоналом. Здесь мы попадаем в поле теории трансакционных моделей неполного контракта, где маркетинг персонала может обеспечить процедурную рациональность, способную не допустить стратегических неожиданностей даже при информационных эксцессах.

Адаптация при этом становится не только процессом, имеющим конкретные цели и временные границы, но и общим принципом деятельности организации. То есть для агентов системы адаптируемость наряду с эффективностью и производительностью становится одним из основополагающих критериев оптимизации трудовых процессов.

Вновь пользуясь сравнением процесса адаптации с конфликтом, можно заметить, что адаптация, как и конфликт, – необходимая и неизбежная часть жизни предприятия, и целесообразно говорить не только о локальных адаптациях, но и о маркетинговой инфраструктуре, обеспечивающей последовательное развитие адаптационных механизмов.

Список литературы

1. Гермейер Ю.Б. Введение в теорию исследования операций. / Ю.Б. Гермейер - М., Наука, 1971.

-
2. Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организации: актуальные технологии найма, адаптации и аттестации. / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова - М.: Кнорус, 2010.
 3. Альтшуллер Г. Найти идею. Введение в ТРИЗ. / Г. Альтшуллер - М., 2008.
 4. Чащин В.В. Маркетинг персонала: определение оптимизационных стратегий при найме и адаптации персонала.// В.В.Чащин /Материалы международной научно-практической конференции "Экономика и управление: вопросы оптимизации". - Том 1. - г. Волгоград, Волгоградское научное издательство, 2010.
 5. Управление персоналом. (Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина)./ Управление персоналом - М.: "ЮНИТИ", 1998.
 6. Дрогобыцкий И.Н. Системный анализ в экономике./ И.Н. Дрогобыцкий - М.: Инфра-М, 2009.
 7. Чащин В.В. Структурно-семиотические аспекты маркетинга персонала с точки зрения инвестиционной парадигмы.// В.В.Чащин /Вестник Уральского института фондового рынка, - №4 - Екатеринбург, 2010.
 8. Котлер Ф., Картаджайя Х., Янг Д. Привлечение инвесторов: маркетинговый подход к поиску источников финансирования. / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, Д. Янг - М., 2009.
 9. Самсонов Р.А. Институциональный монополизм в системе экономических отношений. / Р.А.Самсонов - Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук/ Томский государственный университет - Томск, 2009.
 10. Добраев В.Л. Организационное поведение. /В.Л. Добраев - М., 2006.
 11. Новиков Д.А. Институциональное управление организационными системами. / Д.А. Новиков - М., 2004.
 12. Желены М. Знание против информации / М. Желены// Информационные технологии в бизнесе - СПб, 2002.

ИНФРАСТРУКТУРА ЖКХ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Алмазова О.Н.

РАЗВИТИЕ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РОЗНИЧНОМ РЫНКЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

В статье обобщен опыт ряда стран Западной Европы в области развития партнерских отношений на розничном рынке электроэнергии.

Развитие конкурентных отношений в электроэнергетике России требует новых решений в организации взаимодействия поставщиков и потребителей электрической энергии. Особую актуальность реализация новых программ взаимодействия с клиентами приобретает в рамках отношений энергетических компаний с бытовыми потребителями электрической энергии. Одним из ведущих комплексных подходов здесь является развитие маркетинга партнерских отношений.

Маркетинг партнерских взаимоотношений предполагает, что цепочка создания стоимости будет выстраиваться непосредственно от покупателя, а значит, последний должен непосредственно привлекаться компанией для определения тех сервисов в области поставок электроэнергии, которые он хочет получать.

В данной статье рассмотрен ряд примеров, которые позволяют убедиться в эффективности указанного подхода к построению партнерских отношений с потребителями электрической энергии на розничном (бытовом) рынке.

Одним из главных принципов деятельности большинства европейских энергокомпаний, призванных повысить

удовлетворенность потребителей, является сегодня правило экологичности деятельности. Так "Британская ассоциация энергокомпаний - продавцов электроэнергии" (The Energy Retail Association UK) в борьбе с глобальным потеплением стремится производить и продавать меньше энергии. Таким образом, по мнению экспертов ассоциации, можно уменьшить негативное воздействие на окружающую среду, а значит, обеспечить долговременную лояльность потребителей в отношении отрасли.

Для осуществления этой идеи компания распространяет по различным коммуникационным каналам информацию в области энергосбережения, и помогает наиболее незащищенным категориям потребителей в реализации конкретных энергосберегающих мероприятий (например, теплоизоляции жилья).

Кроме того, ассоциация делает постоянные вложения и в развитие рынка нетрадиционных источников энергии. Отметим, что в условиях, определенных Федеральным законом от 23 ноября 2009г. № 261-ФЗ "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности" данные мероприятия предс-

тавляются весьма актуальными и в российских реалиях.

Интересным в плане формирования положительного имиджа энергокомпаний, - что, безусловно, является одним из важных факторов развития партнерских отношений, - представляется и опыт поддержки продавцами электроэнергии различных социальных программ.

Так, например, австрийская Energie AG ежегодно поддерживает примерно 100 таких мероприятий, проходящих в тех населенных пунктах, где сосредоточены потребители корпорации. Итальянская энергокомпания Enel Spa финансирует детские больницы и клиники для лечения сердечно-сосудистых заболеваний у детей. Свой подход к спонсорингу - у итальянской энергетической компания Edison, которая таким образом стремится показать свое отличие от Enel Spa, - монополиста, сильнейшего игрока на рынке. Так Enel Spa поддерживает популярный в Италии футбол, а компания Edison спонсирует национальную команду по регби.

Нестандартный маркетинговый подход в формировании благоприятного имиджа среди потребителей использует австрийская компания Wien Energie: компания переоборудовала холл здания управления одной из подстанций под стационарный выставочный зал, где постоянно проходят выставки местных художников.

Другая австрийская компания EVN Gruppe в течение 10 лет собирает международную коллекцию современного искусства. Купленные у молодых художников картины компания отправляет в свои офисы по всему миру или передает в пользование музеям. Целью проекта является влияние на сознание людей и усиление у них способности жить в меняющейся среде и мыслить динамично.

Активная интеграция в культурную жизнь потребителей - это, конечно, далеко не весь комплекс воздействия на сознание потребителей, реализуемого западными компаниями. В Европе чрезвычайно развит и обычный энергомаркетинг.

Так, например, все жители Вены, заключившие контракт на получение тепла от Wien Energie, получают дисконтную карту, по которой могут с большой скидкой посещать культурные мероприятия, спонсируемые венскими энергетиками. Кроме того, на территории самой станции ежегодно проходят концерты известных музыкантов, на которые за символическую плату в 1 евро может попасть любой из потребителей.

В EVN Gruppe проводятся ежегодные банкеты для наиболее отличившихся потребителей. В итальянской компании Enel - своя программа поддержки лояльности клиентов ("программа верности"). Если клиент платит за услуги в срок и полностью, и при этом оформляет транзакцию через сайт компании, его поощряют скидками и подарками. Оплата через сайт выгодна компании, - ведь тем самым экономятся деньги, расходуемые на печать бланков или зарплату кассиров. Наградой для таких потребителей являются и призовые очки, на которые можно получить бесплатные услуги, при этом каждому потребителю предоставляется каталог, в котором указано, на что можно потратить призовые баллы.

Итальянские энергокомпании выпускают большое количество печатной продукции: развлекательные журналы, просветительские брошюры, где объясняется, как заполнять счета и т.д. В качестве средства, позволяющего экономить, потребителям предлагаются услуги энерго-менеджмента. В Европе

разработано множество тарифных планов (недавно они стали появляться и в России): двухтарифные планы, оптовые скидки, тариф выходного дня. При этом всех клиентов в той же Enel SPA делят на различные маркетинговые группы, рассматривая не только характер потребления, но и желание получать разные виды услуг в сфере потребления и оплаты электроэнергии.

В Великобритании, где при осуществлении успешного выбора поставщика электрической энергии и газа домохозяйство может сэкономить до 20% годовых платежей, существуют специальные сайты, предлагающие потребителю выбрать наиболее оптимального по условиям поставщика. Любой потенциальный потребитель может ввести свой почтовый адрес и получить рекомендации по оптимальному сотрудничеству с той или иной энергокомпанией. Поставщики энергоресурсов платят таким сайтам за каждого полученного таким образом клиента. Однако у такой стратегии есть и недостатки: причина в том, что для привлечения потребителей сайты публикуют негативную информацию о конкурентах, приводя примеры того, сколько переплачивают их потребители по сравнению с тем, что могли бы иметь их клиенты. Однако следует отметить, что тема переплат, особенно в условиях роста цен на энергию, способна серьезно поколебать имидж всей отрасли.

Очевидно, что одним из показателей качества предоставляемых услуг и приобретаемого товара является возможность урегулировать все возникающие проблемы в кратчайшие сроки. В России этим, в том числе занимаются Федеральная антимонопольная служба и Общество по защите прав потребителей. Аналогичные

организации есть и за рубежом. Но при этом они имеют особенную, более рыночную специфику. Например, в Великобритании в 2000 году была учреждена государственная компания Energywatch - "Энергонадзор", цель работы которой заключалась в защите прав потребителей энергии, особенно наименее обеспеченных. Компания занимается обучением потребителей правилам и алгоритмам выбора наиболее выгодного поставщика энергии, разъясняет, какие льготы могут быть ими получены.

Из необычных для российской практики акций Energywatch можно назвать публикацию антирейтингов энергокомпаний по числу полученных на них жалоб. При этом анализируется и специфика этих жалоб в сравнении со средней долей таких жалоб у других компаний. Такая публикация производится 1 раз в 3 месяца, и это помогает потребителю делать выбор между компаниями, исходя не только из сравнения их цен, но и из уровня сервиса. Кстати, помимо обычных проблем с недовольством выставленными счетами есть в Великобритании и специфические проблемы, пока не характерные для России. Например, в связи с частой сменой поставщиков энергии и сбоями программного обеспечения нередко фиксировались случаи, когда потребители "терялись" или переключались на другого поставщика без их желания. С течением времени, возможно, и в нашей стране такие проблемы приобретут актуальность.

Особое внимание хотелось бы обратить на опыт саморегулирования в рамках электроэнергетической отрасли.

Так уже упоминавшаяся нами The Energy Retail Association UK была создана шестью британскими энергокомпаниями, контролирующими 99% энергетического рынка страны не только в целях лоббиро-

вания интересов отрасли, но и для её саморегулирования. Задачи Ассоциации - создание общих правил работы, распространение наилучшей практики всем игрокам рынка, а так же забота об имидже всей отрасли. В частности, чтобы избежать отключения несостоятельных потребителей, не оплачивающих счета, Ассоциация предлагает энергокомпаниям за свой счет установить дополнительную теплоизоляцию в дома неплательщиков, чтобы снизить расходы потенциальных неплательщиков на энергию. Ассоциация советует компаниям выявлять рискованных клиентов заранее, до критического роста их счетов и рекомендовать им обращаться в благотворительные организации.

Ассоциацией создан Кодекс честной конкуренции, за исполнением которого она следит. Активно поощряется соответствие единым требованиям по "культуре продажи" контрактов. Процесс покупки контракта на энергоснабжение должен быть понятен и удобен потребителю, а потребитель должен иметь возможность для возврата к прежнему поставщику. Принять этот кодекс заставило большое количество публикаций в прессе и жалоб, вызванных агрессивными продажами контрактов.

Еще одной акцией Ассоциации было принятие кодекса выставления счетов. Ассоциация ввела также правило подготовки справок на потребление электроэнергии в квартирах перед их продажей. Это привело к росту цен на те дома, где потребляется меньше энергии.

Самым действенным шагом в рамках процесса саморегулирования британской энергетической отрасли стало учреждение ее лидерами компании-омбудсмена (Energy Supply Ombudsman UK). Данная компания выступает независимым арбит-

ром в досудебных спорах между потребителями и энергокомпаниями. Энергетики рекламируют омбудсмена на обратной стороне рассылаемых счетов. Решение, принятое омбудсменом, энергокомпания обжаловать не может, а у потребителя всегда есть выбор либо согласиться с ним, либо обратиться в суд. Но если услуги омбудсмена для потребителя бесплатны, то за судебный процесс несогласным уже придется платить. Таким образом, решения омбудсмена обычно принимаются и потребителями. За 1 год существования омбудсмена им было рассмотрено более 5 тысяч жалоб, при этом омбудсмен не исходит из прецедентного права, и каждый спор рассматривается по-новому. Максимальный штраф, который омбудсмен может присудить энергокомпаниям, составляет 5 тыс. фунтов. Но часто до выплаты штрафа не доходит: все ограничивается коррекцией ситуации. Впрочем, бывают решения и в пользу энергокомпаний.

Завершая обзор маркетинговых инструментов, применяемых европейскими энергетиками для развития взаимодействия с клиентами, важно отметить, что некоторые из них уже в скором времени могут стать популярными и в нашей стране. Во-первых, российский энергетический рынок становится все более конкурентным, а значит, возрастает и значимость неценовых методов конкурентной борьбы. Во-вторых, европейские энергетические компании (финский Fortum, итальянский ENEL, немецкие EON и RWE, чешская CEZ Group) активно приобретают акции российских компаний энергетической отрасли, что влечет немалую вероятность "переноса" стандартов деятельности инвесторов на российскую почву.

Безусловно, автор данной статьи не берется утверждать, что все перечисленные меры будут активно использоваться российскими энергокомпаниями. Вполне возможно, что, входя в управление российских энергетических компаний и осуществляя изменения в системе их менеджмента, зарубежные акционеры действительно будут внедрять привычные европейским потребителям

маркетинговые технологии. С другой стороны, не исключено и то, что до тех пор, пока наш энергетический рынок не станет по-настоящему конкурентным, столь разнообразная и, что важно, требующая дополнительных затрат деятельность по развитию партнерских отношений с потребителями, не будет принята российскими энергетическими компаниями.

Список литературы

1. "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации": Федер. Закон от 23 ноября 2009г. № 261-ФЗ// Консультант Плюс [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Багиев Г.Л. Маркетинг взаимодействия: Философия организации, инструментарий. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. - 113 с.
3. Гембл П., Стоун М., Вудкок Н. Маркетинг взаимоотношений с потребителями: Пер. с англ. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. - 512 с.
4. Гордон Я. Х. Маркетинг партнерских отношений / Я. Х. Гордон ; Пер. с англ. Е. Нестеровой; Ред. пер. О. А. Третьяк. - СПб. : Питер, 2001. - 384 с.
5. Коньшева М.В., Моисеева Н.К. Управление маркетингом: теория, практика, информационные технологии.- М.: Финансы и статистика, 2005. - 416 с.
6. Сайт Министерства энергетики Российской Федерации. - Режим доступа: www.minenergo.gov.ru.

МАРКЕТИНГ И РЕКЛАМА

Фризен Н.Г.

ИНТЕРНЕТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО МАЛОГО БИЗНЕСА: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРИСУТСТВИЯ

Интернет открывает новые уникальные возможности повышения эффективности предпринимательской деятельности для современных предприятий. В статье приводятся основные достоинства и недостатки различных форм присутствия в электронной среде и делаются попытки дать ответ на вопрос, какая из форм или их сочетание является оптимальной для предприятий малого бизнеса.

Повсеместное развитие компьютерных технологий, программного обеспечения, а также Интернет - технологий привело к тому, что многие производители и торговые посредники смогли перешагнуть через географические границы бизнеса.

Помимо этого представительство компании в сети Интернет дает немало преимуществ.

Среди прочих возможность автоматизации всех процедур взаимодействия с клиентами, но при этом эти контакты можно персонализировать.

Новая форма взаимодействия выгодны и клиентам - для них это решение проблем дефицита времени и нехватки информации для принятия решения о покупке.

Однако, если сегодня крупные предприятия в основной своей массе в обязательном порядке имеют свой сайт, то малые предприятия явно недооценивают преимущества, которые может дать Интернет.

Ценность создания Интернет проекта хорошо иллюстрируют его функции предложенные А. Жалевичем: [1]

■ PR и рекламная площадка предприятия, собственный медиаканал и информационный носитель подконтрольный предприятию;

■ торговая площадка (сеть магазинов, электронная биржа), виртуальный канал товаропродвижения;

■ инструмент для сбора маркетинговой информации (статистика, опросы, комментарии, отзывы);

■ инструмент развития отраслевой базы данных предприятия (контактные данные, указываемые при регистрации);

■ инструмент продвижения продукции и услуг предприятия;

■ инструмент увеличения узнаваемости и лояльности к бренду;

■ инструмент внутреннего маркетинга (писк и отбор персонала, формирование кадрового резерва);

■ инструмент развития персонала и корпоративной культуры компании (привлечение сотрудников к работе с системой управления, освоение культуры "новой экономики")

■ инкубатор отраслевых идей (обсуждения на форуме, публикация предложений, объявление конкурса на поиск решений);

■ фактор развития внешнеэкономических связей предприятия (сбыт, снабжение, инвестиции, кооперация).

Приняв решение о создании Интернет представительства предприятие должно принять решение о целях, и как следствии модели бизнеса.

И. В. Успенский приводит следующие модели бизнеса в сети [2]

1. Модели поддержки существующего бизнеса

1.1 Системы электронного взаимодействия

1.2 Системы электронной коммерции (торговые системы, система снабжения через Интернет)

2. Модели создания нового бизнеса

2.1 Виртуальные компании (виртуальный магазин, виртуальный банк, информационные услуги)

2.2 Системы электронной коммерции (торговая площадка, торговый ряд, Интернет - аукцион)

2.3 Оказание услуг в сфере рекламы (рекламная модель, баннерообменная сеть, рекламная баннерная сеть).

После выбора модели бизнеса встает вопрос о форме присутствия в сети. Современные компании имеют следующие возможности решения данной задачи

1. Создание информационного сайта. Web - сайт обычно выступает центральным элементом коммуникационной политики, проводимой в сети. Считается, что сайт - основной источник информации о компании, ее товарах, условиях сотрудничества.

С точки зрения маркетинга web - сайт это набор информационных блоков и инструментов для взаимодействия с одним или несколькими сегментами целевой аудитории.

Адекватное информационное наполнение является для большинства сайтов необходимым фундаментом для привлечения и удержания на них посетителей.

Преимущества сайта заключаются в размещении большого числа информации под одной крышей.

Традиционным наполнением сайта являются следующие страницы.

"О компании". На этой странице содержится общая информация о компании в той или иной степени интересная клиентам. Вполне возможно, что при первом знакомстве клиент зайдет на эту страницу, для того чтобы сформировать более полное мнение о будущем партнере, но повторные посещения данной страницы редки.

"Наши товары". Очень важный раздел для любого предприятия, т.к. позволяет представить развернутую информацию по каждому товару. Сообщить дополнительные сведения и характеристики. Размещение в данном блоке статей касающихся использования товара также случит реализации сбытовых целей предприятия.

"Контакты". Обязательный раздел, содержащий номера телефонов, адреса электронной почты менеджеров предприятия ответственных за общение с клиентами, схемы проезда, а также форму обратной связи, которая позволяет посетителям сайта оперативно задать вопрос и получить на него ответ.

"Наши клиенты" Указание клиентов компании всегда выглядит внушительно и

формирует более серьезное отношение. Еще более выигрышно выглядит страница с отзывами клиентов.

"Статьи" - размещение актуальных статей экспертов и специалистов, информации содержащей практические материалы привлечет определенное количество посетителей, в том числе через поисковые системы.

"Фотографии сотрудников". Эта страничка создается с целью сделать контакт между посетителем и фирмой максимально личностным. Наличие фотографий контактирующих лиц обогащает общение, делает его более доверительным.

Очевидно, что если сайт является статичным, т.е. информация на нем обновляется редко, то он не соответствует цели удержания пользователей. Т. е. человек приходя на сайт впервые, получает нужную и интересную информацию, но повторные посещения, в большинстве случаев, не имеют смысла. Частично компенсировать данный недостаток можно ведя страничку новостей, но в настоящее время существуют более эффективные инструменты для поддержания контакта с аудиторией.

2. Создание форума. Форум может выступать и в качестве информационного блока сайта компании, а также может функционировать как самостоятельная площадка. В последнем случае первые подфорумы и темы должны содержать информацию о предприятии, его контактную информацию. Отдельные темы могут быть посвящены определенным товарам. В этом случае первое сообщение темы содержит описание товара, а также информацию о том, как и где можно приобрести товар, а в последующих сообщениях клиенты имеют возможность высказать свое мнение, впечатления об использова-

нии данного товара. Такая форма довольно удобна для товаров текущего спроса, т.е. там, где потребитель постоянно сталкивается с проблемой выбора.

Преимуществом форумов является высокая скорость обновления информации, а также достаточно высокая степень ее ценности для клиентов (обусловленная наличием фактов личного опыта других потребителей)

Однако, при высоком проценте неудовлетворенных потребителей, такая форма Интернет - представительства очень быстро приведет к снижению спроса.

3. Интернет магазин - это магазин, "витрина" которого расположена в интернете и который дает возможность заказать товар через интернет. На сайте магазина обычно представлен подробный каталог товаров с ценами, на основе которого пользователь формирует свой заказ. Доставка товара осуществляется, как правило, курьером или самовывозом со склада компании, а иногородним клиентам через почту или транспортные компании.

Современный интернет - магазин включает в себя следующие структурные элементы: сайт с каталогом предлагаемых продуктов, рекламные материалы, службу доставки, службу технической, технологической и информационной программной поддержки, платежные системы. [3]

Преимущества такой формы работы очевидны - подобный магазин работает круглосуточно, семь дней в неделю во всех точках земного шара. Столь же очевидны и недостатки - невозможность потрогать, примерить товар, высокий риск для клиента оказаться обманутым недобросовестным продавцом.

Основная трудность это обеспечить приток в магазин целевой аудитории. В этом случае очень эффективно работает связка - форум - Интернет магазин.

4. Рассылка электронной почты (почтовая рассылка) представляет собой средство массовой коммуникации, группового общения и рекламы. Заключается в автоматизированной рассылке сообщений электронной почты группе адресатов по заранее составленному списку.

Очень важно провести черту между несанкционированной рассылкой (спамом) и рассылкой на которую пользователь сети подписался добровольно и подтвердил свое намерение получать от компании какую - либо информацию.

При помощи почтовой рассылки можно повышать лояльность клиентов, поддерживать их интерес к товару или компании, информировать о новинках, проводить опросы и т. д.

5. Рекламные баннеры. Баннер - любая графическая или мультимедийная информация, находящаяся на веб - странице в предназначенном для нее месте, несущая в себе определенное рекламное послание и, как правило, одновременно представляющая собой гиперссылку на ресурс рекламодателя - на веб - страницу с расширенным описанием рекламируемых продуктов. [4]

Информация на баннере должна быть предельно краткой и привлекательной для потенциального клиента чтобы побудить его кликнуть на картинку.

6. Блог. Целесообразность и эффективность ведения online - дневника для компании сегодня не подвергается сомнению.

Первое и основное условие целесообразности ведения online - дневника

совпадение аудитории блогосферы с целевой аудиторией компании.

Специфика ситуации заключается в том, что блоги в большинстве случаев читают не только завсегдатаи Интернета, но блоггеры - пользователи, знающие опции ресурса и имеющие возможность оставить комментарий.

По мнению Ольги Щедраковой роль дискуссионной площадки, а заодно книги жалоб и предложений на многих сайтах выполняет форум, модератор которого достаточно компетентен для урегулирования стандартных проблем. [5]

Он же отвечает на вопросы посетителей. Только в том случае, если форум перегружен и уже не справляется со своими функциями, целесообразно вводить корпоративный блог - как альтернативу сайту с одной стороны, и как новый формат подачи информации с другой.

Мнение Алексея Крехалева, директора студии "Скрытый маркетинг", еще более категоричное: "Корпоративный блоггинг на данный момент и в обозримом будущем востребован только в IT-тематике. Создание и ведение корпоративных блогов в других сферах не является целесообразным". [5]

Антон Точин, директор по маркетингу компании "Сен-Гобен Строительная продукция" комментирует ситуацию следующим образом: "Во Франции мы успешно применяем маркетинговые инструменты для продвижения в среде блоггеров продукции из стекловолокна. Территория Франции в 32 раза меньше территории России, но там сегодня существует около 70 интернет-блогов и форумов, где обсуждаются вопросы применения теплоизоляции. В нашей стране действующие блоги о строительстве можно пересчитать по пальцам. Однако

последние исследования, проведенные нашей компанией, свидетельствуют, что даже для простого строителя Интернет становится приоритетным источником информации при выборе материала, не говоря уже о проектировщиках или выпускниках строительных и инженерных вузов, которые все чаще посещают немногочисленные ресурсы Рунета, посвященные строительству. В связи с этим уделять внимание только намечающейся в отрасли тенденции ведения блогов - наша важнейшая задача".[5]

Для этого ему понадобятся время, навыки информационного анализа, утвержденная концепция дневника и желание писать, отвечать, комментировать, отслеживать тенденции, - иными словами, работать с блогосферой.

Итак, очевидно, что менеджеры предприятия могут использовать одновременно все 6 инструментов электронных коммуникаций. Основной площадкой будет сайт, на котором можно разместить и форум и Интернет магазин, а также подписную форму на почтовую рассылку. Также поток целевых клиентов будет направляться с дружественных ресурсов при помощи баунерной рекламы. Блоги в блогерских сетях также реализуют задачу привлечения новых посетителей.

К сожалению такая комплексная модель ведения Интернет бизнеса грозит превратится именно в отдельный вид бизнеса с весьма значительными затратами на ее создание и поддержание, а отнюдь не в средство поддержки существующего предприятия.

Как уже отмечалось, достаточно эффективно работают парные варианты коммуникационных средств: форум - интернет - магазин, блог - интернет - магазин, почтовая рассылка - интернет - магазин, баннерная сеть - интернет магазин.

Наименее эффективна на наш взгляд связка баннерная сеть - интернет - магазин. В первую очередь это обусловлено тем, что баннерная сеть представляет собой средство ATL коммуникаций. В этом случае невозможно создание диалога с клиентами, и как следствие баннерная реклама эффективно сработает только в случае продвижения товаров пользующихся повышенным спросом. Более интересна связка почтовая рассылка - Интернет - магазин. В этом случае баннерную рекламу следует заменить на окна для подписки. Само название рассылки и/или краткое ее описание должны заинтересовать потенциального клиента и побудить его подписаться на рассылку.

В дальнейшем одной из важнейших задач менеджера отвечающего за электронную поддержку бизнеса является систематическая подготовка выпусков рассылки, представляющих интерес для целевой аудитории и сопровождение их информацией рекламного характера. Как правило, грамотное расположение ссылок на страницы с товаром приводит к большому числу переходов по этим ссылкам и при соблюдении прочих условий работы с клиентами - продажам товара.

Вариант присутствия "блог - интернет - магазин" достаточно эффективен в том случае, если целевая аудитория читателей блога соответствует целевой аудитории интернет - магазина. В этом случае посты (статьи) размещаемые в блоге привлекают внимание потенциальных клиентов, а ссылки позволяют перевести заинтересованных читателей на страницы продажи товаров.

На наш взгляд, больший интерес представляют блоги размещенные в блогерских сетях и сообществах, там где содержание блога транслируется в новостийную ленту и не останется без внима-

ния постоянных читателей. Блогам же размещенным на отдельных площадках (или на базе основного сайта фирмы) присущ риск низкой посещаемости.

С целью повышения эффективности данной формы можно рекомендовать создание online - дневников в различных сетях и сообществах, при этом материалы в них дублируются, т.е. основная задача привлечь клиентов из различных социальных групп.

Последний вариант "форум - интернет магазин" так же очень интересен на наш взгляд. Здесь возможны два варианта развития событий. Первый организация собственного форума, например, на базе интернет магазина. Главным преимуществом в этом случае является свободное (без ограничения) размещение любой информации рекламного характера. Однако, при этом достаточно сложно добиться высоких показателей посещаемости и известности форума.

Второй вариант - ведение скрытого

маркетинга на уже существующем форуме [6]. Скрытый маркетинг представляет собой рекламную компанию, в которой рекламный контент подается завуалированно. Обычно источник и истинное предназначение контента скрываются. Само рекламное содержание подается как бы неосновным, а всего лишь сопутствующим основному контенту. В случае проведения скрытой рекламной компании рекламный контент прячется среди обычного контента, интересного целевой аудитории.

Итак, на наш взгляд создание классического, статичного сайта на сегодняшний день не актуально для предприятий малого бизнеса. Наилучший эффект принесет сочетание интернет - магазина с какими - либо средствами ВТЛ коммуникаций, например блогом, форумом или почтовой рассылкой. Конечный выбор предпринимателя, безусловно, будет зависеть от целей интернет представительства, специфики товара и особенностей целевой аудитории.

Список литературы

1. Жалевич А. Отраслевой интернет-портал - инструмент маркетинга. , www.zhalevich.com
2. Успенский И.В., Интернет - маркетинг, Учебник.- СПб.: Изд-во СПГУЭиФ, 2003.
3. Семенов А. Интернет реклама лекарственных средств и биологически активных добавок// Маркетинг. 2008. №4
4. Коротков А., Кузнецов Р. Разновидности интернет - рекламы: характеристика и классификация// Маркетинг 2008 №3
5. Щедракова О. Корпоративный блоггинг: отечественная версия//Управление компанией. 2008. № 1
6. Христофоров А., Христофорова И. Инновационные каналы продвижения: социальные сети// Маркетинг.2009. №3

Чащин В.В.

НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ, ИЛИ В ПОИСКАХ ГЕРКУЛЕСОВЫХ СТОЛПОВ ИСТОРИИ Часть вторая, дедуктивная (скитания разума)

Продолжение, начало в номере 4(8)/2010

Нам следует продолжить обзор и выяснить: что происходит в области альтернативной истории за рубежами нашей страны сегодня? Неужели ревизия историографии в современном мире - и вправду исключительно отечественное явление?

Что ж, многие незадачливые критики Фоменко уверены в этом. Приведем в подтверждение несколько цитат.

"Эпохи смут, распадов государств и страшных бедствий народных - лучшее время для процветания бесчисленных шарлатанов. В эти эпохи никто не мешает им заниматься своим привычным делом" [24] (Ясно, что смуты здесь относятся только к России, ведь на благословенном Западе едва ли возможны какие-либо потрясения).

"За зарубежную науку и зарубежную общественность можно не беспокоиться. Для них "труды" Фоменко и его "школа" не представляют ни малейшего интереса и вызывают смех" [25].

"Фоменко - типичный шарлатан, появление которого четко сочетается с общественной смутой, распадом великого государства и подменой русской истори-

ческой школы лживыми и разрушительными для русского национального исторического сознания "новациями", не имеющими под собой никакой научной основы" [26].

И так далее, и так далее, и так далее... Но, конечно, заявления эти далеки от реальности.

Увидеть подлинную ситуацию в отношении новой хронологии на Западе нам поможет не раз упоминавшаяся книга немецкого писателя и знатока Востока Уве Топпера, создавшего свой труд словно нарочно, - для облегчения исследователям новохронологии их работы.

Итак, в своей книге "Великий обман. Выдуманная история Европы" У. Топпер независимо от российских авторов рассказывает, как - по его версии, - придумывалась ранняя история христианства, иудаизма и ислама, а с ней и Европы, как удлинялась на тысячелетие, а то и на полтора хронология, которая сегодня считается общепринятой. Ветхий Завет, Коран, Новый Завет и Талмуд по Топперу были написаны почти одновременно во втором "христианском" тысячелетии.

Древнее завоевание Испании арабами было придумано для оправдания захвата Юга Иберийского полуострова испанцами. Античных авторов изобретали около 1500 года, тогда же писались "их" книги. А историю и хронологию Китая иезуиты якобы высасывали из пальца в XVII и даже XVIII веках.

Кроме того, в книге изложены - что для нас, конечно, более ценно - воззрения некоторых современных западных авторов, внесших большой вклад в развитие зарубежной новой хронологии (Гертруды Бодманн, Регины Зоннтаг, Жака Ле Гоффа, Кристофера Маркса, Винцелера и т.д.), и ученых, работавших на рубеже XIX и XX столетий (Делицша, Харнака, Веллхаузена и т.д.).

Было бы интересно, например (исключительно в компаративистских целях), взглянуть на версию мировой истории Кристофа Маркса. Он установил, в частности, что около 1350 года, во время так называемой Черной чумы, в Солнечной системе имел место последний "Большой толчок", не только вызвавший огромные разрушения, но и изменивший положение Земли относительно Солнца и, соответственно, сделавший бессмысленными астрономические расчеты, привязанные к предшествующим периодам.

Помимо этого Маркс ведет речь о четырех катастрофах, каждый раз практически стиравших с лица Земли человеческую цивилизацию и культуру, причем последняя космическая "волна уничтожения" прокатилась над Землей всего 650 лет назад, о чем свидетельствуют геологические выкладки и устные предания.

Дает свой вариант последовательности европейских исторических событий Винцелер: он обнаруживает, что в некоторых местах европейской средневековой

историографии возникает лакуна в 600 лет. А Ренессанс позволяет предположить, что едва ли Платон жил раньше христианских апологетов III века (как, например, Ориген), да и Аристотель создавал свои труды немногим ранее арабских переписчиков.

Упомянем также недавно вышедшую в США солидную монографию, посвященную ревизии традиционной истории Древнего Египта: "The Revision of Ancient History - A Perspective. By P. John Crowe"

Кстати, не чураются западные критики истории изучения трудов российских коллег. Так в мае 1996 года все тот же Кристоф Маркс подробно обсудил математико-статистический метод академика Фоменко в кругу "реконструкторов времени" в Гамбурге.

Таким образом, новая хронология и в современном западном мире дала пышные и многочисленные всходы. И теперь, в заключение обзора, нам остается для полноты картины только выяснить: является ли критика общепринятых исторических воззрений эпохи феноменом, присущим лишь Новому и новейшему времени?

Ответ на этот вопрос можно найти в работах упоминавшегося выше С.Я. Лурье, который исследовал развитие историографии, историософии и философии истории античных времен. Что же происходило в ту эпоху?

"Уже с конца VI в., с появления первого большого исторического труда на греческом языке Гекатея Милетского, - пишет Лурье, - наиболее передовым "освободительным" методом при толковании мифов считалась их рационалистическая интерпретация. Этот же приём широко был использован и в середине V в. Геродотом. Миф как целое рассматривался как исторический рассказ" [27]. Задачей историка, таким образом, было только

перетолковать, а в случае невозможности - устранить всё то, что противоречит естественному ходу вещей в природе. Так, например, если миф сообщал, что в Додону прилетели чёрные голубки и вдруг заговорили человеческим голосом, то Геродот перетолковывал это в том смысле, что в Додону прибыли чёрные египетские жрицы и затем научились говорить по-гречески.

Другой приём перетолкования применялся также уже со времён Геродота для устранения противоречий в исторических и мнимоисторических рассказах. Это - синкретизм и его антипод - дубликация. Дело в том, - как утверждает Лурье, - что наиболее постоянной и древней частью мифа была его основная фабула. Таких фабул сравнительно немного, и они в большинстве случаев были одинаковы у всех народов Европы, Передней Азии и Северной Африки. Естественно, что греки, знакомясь с "историей" других греческих же городов, а также с "историей" Египта, Вавилона и т. д., находили здесь уже известные им рассказы, но с другими собственными именами; особенно много сходства было в рассказах о богах и героях, где рассказчик почти не привносил настоящих исторических реминисценций. Понятно, что исследователь, слушая эти рассказы, приходил к мысли, что речь идёт о тех же лицах, но только называют их по-разному: например, спартанская Халькиойкос и Сововидная Дева Афинская - одна и та же богиня, тождественная с гомеровской Афиной, Осирис - это Дионис, римский Марс - это Арес и т. д. Наоборот, если об одном и том же герое сообщались факты, противоречащие друг другу, то прибегали к удвоению: из одного Геракла делали двух, из одной Ариадны - двух; сын Одиссея Телемах раздробился в двух сыновей - Телемаха и Телегона.

Таким образом, "открытия" современных адептов новой хронологии, в частности, Фоменко, имеют, оказывается, длинную предысторию, зачастую неизвестную, к сожалению, ни самим критикам историографии, ни критикам их критики.

Но вернемся к С.Я. Лурье. "Третьим приёмом, применявшимся уже в древнейшие времена, - пишет он, - от которых не осталось никаких памятников письменности, была секуляризация богов" [28]. Когда боги различных греческих городов были объединены в один пантеон, и между ними была установлена родственная связь и иерархия, для верховных богов многих небольших городков и деревень не оказалось места в этом пантеоне, и они были разжалованы из богов в смертные. Так верховный бог беотийского города Акрефии Амфиарай был либо отождествлён с Зевсом (в этом случае имя "Амфиарай" стало лишь эпитетом Зевса), либо превращён в простого смертного, участника похода семи против Фив. То же произошло с Агамемноном (Зевс-Агамемнон), Еленой и т. д.

Своеобразный приём применялся при изложении фактов историко-культурного характера: вместо развития культуры, говорили о ее "изобретателях" (euretai). Каждое завоевание культуры по этой теории было открытием отдельного лица - бога, героя или человека. Разведение хлебных злаков "изобрела" богиня Деметра или смертный Триптолем; разведение винограда - Дионис, огонь - Прометей, ремёсла - Гефест, буквы - Паламед и т. д. Дело историка культуры было только поместить этого изобретателя на свое хронологическое место.

Наконец, для хронологической фиксации в тех случаях, когда точная дата

не могла быть установлена документально (а для древнейшей эпохи так обстояло всегда), применялись метод поколений и метод синхронизмов. Каждый царский и вообще знатный род имел свою родословную таблицу, которой гордился. В этих таблицах только последние имена были историческими; выше шёл ряд мифических героев, и родоначальником обычно оказывался тот или иной бог. Для определения даты того или иного мифологического события находили имя одного из его участников в одной из родословных таблиц, а затем рассчитывали время жизни этого участника по принципу: три поколения в 100 лет.

Таковы были своеобразные приёмы исторической методологии в эпоху расцвета Греции, т. е. в V и IV вв. Следовательно, критикуя описание эпохи античности, Фоменко должен критиковать и самого себя, ибо его методы концептуально ничем, практически, не отличаются от методов древних историков.

Кроме того, и в античности мы можем обнаружить своеобразную дискуссию между историческими школами, - подобно спору официальной и новой хронологии в наши дни. Так, например, Геродот отдаёт решительное предпочтение длинной египетской хронологии перед короткой греческой: он считает, что правы египтяне, помещая Диониса за 15 000 лет до его времени, а Геракла - ещё раньше, а не греки, по мнению которых Дионис жил на земле за 1600 лет, а Геракл - за 900 лет до жизни Геродота. Утверждая, что грекам известен лишь небольшой отрезок времени, и в этот отрезок они втискивают всё прошлое, Геродот - верующий человек, - с большим благоговением относится не только к греческой, но и к египетской религии. В то, что египетские боги некогда правили на земле, он свято верит и протес-

тует против действий тех учёных (быть может, Гекатея Милетского), которые, применяя метод дубликации, отличали небесных египетских богов от земных царей, случайно носивших те же имена и потому смешанных с богами.

Подход же величайшего из историков древности Фукидида к мифологической традиции был совсем иной. Он в принципе не доверял ей, а для восстановления древнейшей истории Греции применял метод обратных умозаключений из пережитков, сохранившихся в последующие эпохи. В определенном смысле его можно назвать сторонником идей евгемеризма.

В широком смысле слова "евгемеризмом" называют учение, которое не отрицает веры в небесных богов, но утверждает только, что многие из чтимых впоследствии богов первоначально были царями на земле, а затем в награду за их благодеяния при жизни или после смерти были удостоены божеских почестей. Этот "евгемеризм" древнее Евгемера. Древнейшим историком этого направления, по Лурье, считается Леонт из Пеллы, написавший "Священную историю", в которой он, на основании египетской традиции, доказывал, что Исида, Осирис и их предки были не богами, а обоготворенными древнейшими царями.

Тот же Гекатей становится как раз на ту точку зрения, которую отвергал Геродот: древнейшие земные цари Египта были, по его мнению, только одноимённые с небесными богами.

Особенно выгодна, - как утверждает Лурье, - теория, разрабатываемая Гекатеем и Евгемером, была для еврейской историографии. Это видно, в частности, в книгах еврейского историка Флавия Иосифа "Против Апиона о древности еврейского народа" и "Древности иудейские".

Иосиф, например, в первом из упомянутых трудов начинает с утверждения, что евреи - древнейший в мире народ. Как видно из Библии, евреи существуют уже 5000 лет; те, кто отрицает это, либо невежды, либо завистники. Возмутительно, пишет Иосиф, что доверяют только эллинским писателям, а сообщениям евреев и других народов Востока не доверяют. У греков всё - недавнее и свежее испеченное. (Уж не Фоменко ли перед нами?! А может быть, академик попросту заимствовал рассуждения еврейского полемиста?) Историография греков очень молода. Они сами соглашались, что их мудрость заимствована ими у египтян, халдеев и финикийцев; что эти народы сохранили память о более древних временах, чем греки. Даже письменность греки усвоили в очень позднее время от финикийцев. Например, от времени Троянской войны не дошло ни одного памятника. Если бы греки уже тогда имели письменность, - доказывает Иосиф, - то не могло бы существовать столько разногласий по поводу этой войны.

Историки, по мнению Флавия, появились в Греции незадолго до Персидских войн, а греческие философы Ферекид, Пифагор и Фалес были учениками халдеев и египтян. Поэтому нельзя не удивляться претензии греков на знание того, что было в древнейшие времена. Ознакомление с греческой исторической наукой убеждает, что греки ничего точно не знают, а говорят то, что каждому кажется наиболее правильным. Они, не задумываясь, - сетует Иосиф, - противоречат друг другу, спорят друг с другом, обвиняют друг друга в ошибках; так, все эти учёные обвиняют в ошибках Геродота. Спорят даже о столь недавних событиях, как Греко-персидские войны; обвиняют в ошибках даже Фукидида, который считается у них самым точным из историков. Причина этого в том, что исто-

риография здесь - частное дело, не регулируемое государством (sic!), главным же доказательством исторической достоверности служит то, что все пишут об одном и том же одно и то же.

Заметим еще раз: трудно отделаться от ощущения, что перед нами очередной труд академика Фоменко, - обличающего и выискивающего любимые параллелизмы, хотя регулярности в истории давно уже привлекали внимание специалистов. Историк I-II вв. н.э. Плутарх писал: "Поскольку поток времени бесконечен, а судьба изменчива, не приходится, пожалуй, удивляться тому, что часто происходят сходные между собой события. Действительно, если количество основных частиц мироздания неограниченно велико, то в самом богатстве своего материала судьба находит щедрый источник для соиздания подобий; если же, напротив, события сплетаются из ограниченного числа начальных частиц, то неминуемо должны происходить сходные события, порожденные одними и теми же причинами. Иные люди охотно отыскивают в исторических книгах и устных преданиях примеры случайного сходства, которые могут показаться порождением разумной воли и провидения. К этому я прибавил бы еще одно наблюдение: среди полководцев самыми воинственными, самыми хитроумными и решительными были одноглазые, а именно Филипп, Антигон, Ганнибал и, наконец, тот, о ком пойдет речь в этом жизнеописании, - Серторий" [29]. Нам остается резюмировать: Плутарх, не знающий еще и (как верно заметил Ю. Лотман) о Кутузове и Нельсоне - 1, Фоменко-0.

Что ж, теперь, когда мы убедились в том, что новая хронология не бабочка-однодневка от истории, и что критика историографии, в основаниях которой

лежат те же концепты, что у Фоменко, древнее и распространенное явление, пришла пора выдвигать новые, более глубокие, нежели прежде, версии.

И для начала вновь повторим: многочисленные дискуссии, споры в печати, в Интернете доказывают, - проблем в осмыслении истории много, и, вылавливая частные неточности и лжесвидетельства (или, напротив, доказывая истинность локальных исторических дескрипций), "вопрос об истории" не разрешить. А новохронология - это один из способов рассмотрения истории, способов, органично присущих как человечеству в целом, так и нашей эпохе, являющейся прямой наследницей эпохи Нового времени, где и берет начало современное историческое сознание. В то же время, приходится признать, что глубокого научного (не говоря уж о философском) анализа феномена Новой хронологии никто еще не проводил.

Вот, например, как оценивают труды Фоменко историки-профессионалы, элита российской исторической науки.

И. Н. Данилевский: "Основания теории АТФ произвольны. Поэтому научной ценности она не имеет" [30]. (Хотя тот же А. Эйнштейн заявлял, что в начале подлинной науки как раз и лежат произвольные основания. В любом случае столь поспешные заявления напоминают кавалерийский наскок, но никак не результат глубокой работы мысли)

В. П. Козлов: "Книги АТФ на самом деле - грандиозная и заслуживающая уважения фальсификация, т.е. сознательная подделка в форме исторического труда. Это выдающийся памфлет одаренного человека, злая, хитрая и горькая усмешка над какими-то теориями в иной, далекой от исторической, сфере познания" [31].

Д. Э. Харитонович: "К числу факторов, характеризующих труды Фоменко, можно отнести их ненаучность, недобросовестность в подборе источников, колоссальную популярность" [32]. (sic! Очевидно, недобросовестность сегодня автоматически влечет, по мнению Харитоновича, популярность. Какая-то скрытая личная драма чувствуется здесь)

А. А. Фурсенко: "Построения академика А. Т. Фоменко, его так называемая хронология всемирной и русской истории противоречат данным документальных источников и представляют собой созданную его фантазией и псевдонаучными выкладками-подсчетами картину истории, не имеющую ничего общего с действительностью" [33].

Далее: на конференции "Мифы "новой хронологии", состоявшейся 21 декабря 1999 г. в МГУ, декан исторического факультета, академик РАЕН С.П. Карпов выразился тоже весьма характерно: "Мы обязаны показать обществу: здесь - опасно!" [34].

Вторят официальным корифеям и наши соотечественники, творящие за рубежом. Для примера можно взять диссертационную работу Константина Шейко "Lomonosov's bastards: Anatolii Fomenko, pseudo-history and Russia's search for a post-communist identity", написанную и представленную к защите в Institution University of Wollongong в 2004 г.

Вот как Шейко понимает новую хронологию: "Fomenko takes inspiration from Mikhail Lomonosov, Russia's most celebrated eighteenth century scientist and self-taught patriotic historian. Lomonosov was a layman in matters of history, who was given to patriotic excess but whose account of the past fell within the bounds of what is usually considered to be history" [35]. То есть, раз новохронология обвиняет в

грандиозной фальсификации весь мир, не худо бы и миру заняться тем же в отношении новой хронологии. "Как боги к Иакову, так и Иаков к богам". Все это было, было, было...

Что же касается философской проработки вопроса, здесь дела обстоят несколько не лучше. Тон в обсуждении проблем новой хронологии задал в свое время ни кто иной, как сам Ю. М. Лотман, написавший в порыве откровенности: "[...] Статьи Постникова - бред! Но печатать будем..." [36].

С тех пор новую хронологию философы, пожалуй, не замечали вообще, а на попытку (немного эксцентричную) С. А. Экштута показать в "Манифесте историософского маньеризма". (Вопросы философии, №1, 1998) тенденции исторического мышления новейшей эпохи, отреагировали уже известным нам образом.

Так очень сурово отозвался о статье Экштута А.Х. Горфункель из Бостона: "Экштут намерен внести в историософское исследование крайний солипсизм, используя опыт научно-фантастических романов... Как справедливо отмечено в последнем абзаце "Манифеста" признак нового историософского дискурса уже бродит по книжным и газетным страницам... Но дискурс этот - выражение "воинствующего дилетантизма" [37].

Да, да о дилетантизме мы уже слышали немало. Универсальное, по-видимому, обвинение в век царствования сугубых профессионалов.

"Очередные сумерки Минервы... Плач по гуманистическому оптимизму... Релятивизм по природе своей не может быть основой научной методологии в любой сфере познания. Но он основа всякой упадочной политической идеологии... Историософистика... Резко возросшая потребность торговать рукописью. Стали-

низм нашей эпохи. Охлократическое гонение на науку" [38].

Это уже неласковые слова В.Н. Самченко из Самары, опубликованные в том же номере уважаемого журнала.

Что ж, перед нами что угодно, только не серьезный анализ общественного феномена. Скорее это заклинания и проклятья, предшествующие любой охоте на ведьм. Здесь подает голос не упомянутая лукавым доброжелателем сова Минервы, а сам проснувшийся разум Нового времени, плачущий от страха и тоски по утерянным чудовищам государства-Левиафана, заботливо намечавшего когда-то своим верным сынам методологические и идеологические тропы.

Пришло время взглянуть на Новую хронологию действительно научно, то есть так, по словам М. Хайдеггера, "чтобы предназначения, предвосхищения определялись не случайными озарениями и популярными понятиями, но чтобы в их разработке научная тема гарантировалась самими фактами" [39].

Вообще - сделаем небольшое отступление, - разница между официальной и новой хронологией представляется аналогичной разнице между крайними случаями гностицизма и агностицизма. Или, если угодно, - разнице между прозой и поэзией. Гностицизм многословен, разговорчив, велеречив и таинствен, но при этом просодическая аккуратность, аскетизм агностицизма отнюдь не означает его ущербности. Оба явления - поэзия и проза, официальная история и всевозможные версификации - имеют один исток.

Так что же в наше время обуславливает появление различных версий исследования и утверждения исторического бытия?

Здесь необходимы именно концепту-

альные уточнения. Необходимо взглянуть на понимание социального времени панорамным взглядом, учитывая при этом, что историческое сознание, проблема исторического - это всегда самооправдание эпохи, социодицея.

В таком случае запасемся терпением и погрузимся в дебри самых разных философских учений и концепций, чтобы, в конце концов, вновь выплыть к берегам Новой хронологии, но уже во всеоружии.

Многие мыслители обращались к теме исторического сознания и самосознания. Нам представляется, что в данном случае и для начала наиболее продуктивным будет рассмотрение позиции родоначальника феноменологии Э. Гуссерля. Обоснованность такого выбора будет раскрыта чуть ниже.

Итак, по мнению Гуссерля разработка истории как поля исследования связана с выявлением скрытой телеологии, как процесса самопроявления универсального разума. (Интересно, что в случае с новохронологией можно, конечно, говорить о неустанных поисках артефактов недоброго, фальсифицирующего разума!).

Соответственно великого ученого интересуют, прежде всего, различные типы историчности. Они (типы историчности) выводятся Гуссерлем из различения типов генеративности. Генеративность же - это связь ныне живущих и давно умерших личностей, которые, тем не менее, всегда присутствуют здесь, участвуя в текущей жизни. (В качестве иллюстрации к понятию генеративности можно вспомнить известный рассказ Ф. Жолио-Кюри об оловянном подсвечнике, в котором физик углядел жизни всех предшествующих поколений - видение, избавившее беднягу от страха смерти).

Историчность, собственно, и есть

рассмотренная с точки зрения становления конституирующих мир способов мышления генеративность. Историзм, по сути, - самоосмысление и формирование единого поля представлений поколений.

Гуссерль говорит также о трех фазах мировой истории и соответствующих типах генеративности, преемственности или историзма: наивно-мифическом, научно-философском и абсолютном, или феноменологическом.

Рассмотрим подробнее все три типа.

1. Дофилософский, наивный, мифологический тип мыслитель называется семейным, домашним, родовым и некритическим. Преемственность здесь не тематизируется, но проходит фоном, как горизонт. Действительность не является задачей, но лишь данностью. Социальные институты и связи воспринимаются как внешние и позитивные феномены, причастные к тому же к вечности. Жизнь общества при таком типе мышления не дана как целое. Нити в строматы истории здесь, конечно, вплетаются, но целого узора не видит никто - проекта нет и в помине. Образ мира, представление о мире с миром как реальностью совпадает полностью. Главное в таком типе генеративности - нормальность, цикличность, усредненность. Через аномальность распознается чужое, отличающееся от вечного и неизменного своего, - чужое вызывающее всегда, когда бы оно не встретилось, онтологический шок. Нормальность же передается через рождение и смерть (здесь особенно важна подчеркнутая регулярность этих событий), то есть через миф, как внутренний горизонт. Чужое же неминуемо - при достаточной частоте встреч - переваривается и усваивается, ассимилируется. Таким образом, этот тип историзма имеет своеобразный "пищеварительный" характер.

2. Научно-философский тип Гуссерль объявляет принципиально новым типом генеративности, присущим - архетипически - Древней Элладе - родине философии, и непосредственно данным в европейской культуре Нового времени. (То, что историзм в классическом смысле, то есть как тип теоретического самосознания, появляется в эпоху Просвещения, признают многие философы). Органическая историчность здесь разрушается, и рождается из "праздного любопытства" (несомненное, но не бесспорное в интерпретациях явление) особый взгляд на мир: удивление миром в целом, которое и разрывает узкий горизонт практических интересов и домашних целей. Одновременно с этим формируется и новая серьезность - серьезность науки.

При утверждении этого типа историчности наступает релятивизация своего мира. Возникает совершенно новый способ объединения в сообщество. Под этой новой генеративностью подразумеваются взаимная критика и надстраивание одних теорий над другими благодаря работе поколений ученых. Структуры нормальности релятивизируются, выявляют свои основания. Возникает своего рода система исторических возможных миров, в которой - наряду с собственно возможными мирами - могут существовать и невозможные - контрфактические миры. Свой мир становится лишь тематически выделенным миром, - и не более. И - самое главное - мир опыта начинает истолковываться при помощи идеализации.

Идеализация, как разъясняет Гуссерль, - ход мысли, посредством которого сознание выходит за пределы конечных способов явления предмета, понимая его тождество в явлениях, как идею предсуществующего полюса тождественности, который

лишь раскрывает себя в различных способах явлений.

Донаучное сознание имеет дело с зыбкой, конечной, всегда предварительной тождественностью, которую оно познает индуктивно, проходя ряд конечных способов явлений. Это равновесие страха и надежды на существование сил, руководящих трансмутациями и контролируемых человеком в лучшем случае лишь отчасти - более или менее.

Научное же сознание действует так, будто оно уже пробежало все бесконечное множество способов явления. И из отстраненного полюса тождественности (тоже бесконечного, или мнимого в своей сингулярности) это сознание "глядит" в любую точку бесконечности. Передаче, трансдукции в историческом смысле здесь подлежат, прежде всего, объективные истины об идеальных предметных тождествах вместе со знанием о способах достижения этих истин - методах. Человек оказывается проектом своей жизни и своего окружающего мира.

Но при всем при том научное сознание порождает и своего демона - объективизм: действительно существующим объявляется лишь то, что существует объективно. Мир становится опредмеченным и теряет горизонтный характер. Предданность горизонтных условий при идеализации отбрасывается, и наука теперь сама строит свои условия. Она (наука), по сути, превращается в деятельность по проведению одного большого эксперимента, стремящегося распространиться на весь мир, то есть становится преимущественно инженерной.

Для нас же очень важно то, что наука предполагает особую историчность, которую также как историчность мифического сознания можно назвать "наив-

ной" - конечно, в особом смысле. На место вечных домашних знаний в науке приходят вечные объективные истины. Мир теперь предан нам как тотально подчиняющийся результатам деятельности точных наук. Девиз этого способа самосознания: "раз и навсегда, и для всякого". Здесь собственно и коренятся истоки борьбы между новой наивностью и трансцендентализмом.

Заметим еще, что в научно-философском типе Гуссерль выделяет два этапа: модерный и до-модерный. Второй еще не отбросил связь с донаучным, реальным миром, первый же тип полностью подчинен идеализации. Но – по мнению мыслителя - это лишь «хитрость разума», допускающего самоотчуждение на пути к себе. Это, конечно, типично гегелевские мотивы: возможно лишь опосредованное познание.

3. Как и положено родоначальнику философской феноменологии, в конце концов, Гуссерль говорит о некоем совершенном способе исторического созерцания - феноменологическом, трансцендентальном. Не обходит мыслитель стороной также и небезызвестную специалистам деструкцию идей «Я-полюса» и «предметного полюса» и возврат историчности, как подлинного самоосмысления.

Однако об этом типе генеративности Гуссерль говорит немного, что совершенно не удивительно – в момент первичного продумывания феноменологическая рефлексия в полном смысле была доступна только одному человеку – самому ее создателю (стандартная ситуация для любого первооткрывателя незабываемых вечных истин, история философии содержит тьму примеров такого мессианства).

Теперь, когда мы рассмотрели вкратце все выделяемые Гуссерлем типы генеративности, задержимся немного дольше на

научно-философском способе историчности – ведь не зря в начале нашей работы мы подчеркнули тот факт, что позиционирование Новой хронологии часто происходит в рамках дуали «наука-антинаука».

Гуссерль рассматривает научную историчность, исследуя, в том числе, и различные формы специфических «жизненных миров», излагая принципы их развития. Нас будет интересовать, как происходит развитие идей в жизненном мире, или особом «онто-локусе» науки.

Жизненный мир в узком смысле Гуссерль противопоставляет всем специальным практикам (не только научным). Однако жизненный мир, тем не менее, лежит, по мнению философа, в качестве нетематизируемого начала в основании всех специальных практик, а жизненный мир в широком смысле охватывает все специальные жизненные миры.

Положения науки, таким образом, должны находить подтверждение не только в ее практике, но и в ее жизненном мире. Специальный аппарат науки в результате присоединяется к жизненному миру и становится как бы его частью. Вопрос о генезисе научных концептов, следовательно, никогда не встает – ведь они кажутся в рамках региональной онтологии естественными. То есть наука активно влияет на жизненный мир и сама становится почвой для дальнейших новаций в жизненном мире, а значит, словно бы начинает выполнять функцию своеобразного жизненного мира.

В связи с вмешательством науки в донаучный мир Гуссерль говорит о таком важном явлении, как образование, раскалывающее старый домашний мир на две части: класс образованных, осознающих релятивность старых норм, и класс консерваторов. Особенность образованных людей заключается в том, что они легко

осваивают чужие миры, как раз и генерируя историчность, как взаимовлияние своего и чужого.

Однако, по нашему мнению, здесь, вероятно, можно предположить наличие дальнейшего сдвига, когда в среде образованных людей выделяются своеобразные «суперкритики», а новый релятивный мир становится почвой нового разделения «консерваторов» и «новаторов». Причем речь при таком подходе не идет о смене поколений ученых, сломе парадигм или прочих конструктах философии науки в духе Уайтхеда, Куна, Поппера, Лакатоса или Фейерабенда. Мы имеем в виду размывание границ не внутри региональной онтологии, а между специальными домашними мирами. Новая хронология, на наш взгляд, частично подтверждает эту гипотезу. В пользу этого говорит и тот факт, что домашний мир (в том числе и научного локуса) универсален для своих обитателей и при этом замкнут. В свою очередь мир новой хронологии универсален, но не замкнут, как и полагается новой волне генеративности.

Здесь, очевидно, стоит полнее прояснить понятие домашнего мира. По Гуссерлю – это горизонт наглядных данностей любой региональной онтологии. Философ выделяет три измерения исторических преобразований жизненных миров. Освоение и унаследование – первое измерение (наивно-мифологическое). Второе – усвоение, рождающее политическую историчность. Третье измерение – собственно влияние на жизненный (архетипический) мир особых практик путем «втекания», то есть подспудного, постепенного, но неотвратимого воздействия. В рамках третьего измерения как раз и происходит раскол – «образованные-необразованные». (И возможно – сделаем мгновенный бросок в сторону - новая

хронология – это перверсия такого раскола, когда функция развития, изменения, обновления возлагается на необразованных, дилетантов, обладающих большей открытостью, критичностью, чем «старые» жители науки?) Добавим, что по Гуссерлю в ходе третьего типа изменения жизненного мира происходит европеизация человечества, - это позволяет нам предположить: Новая хронология, как результат сдвига в дуали «образованные-необразованные», есть попытка провести своеобразную «русификацию» мира.

Таким образом, Новая хронология, в первом приближении, – это «особый генеративный опыт, особый способ преобразования трансцендентального сообщества «Я-монад» - источника всех как активных, так и пассивных конститутивных действий» [40].

Необходимо заметить также, что на первый взгляд Новая хронология имеет одновременно черты и мифологического (генеративного, домашнего, специфически цикличного) типа историзма и научно-философского, объективистского.

Наукообразность ей, конечно, привили отцы-основатели, - математики, как было уже упомянуто. Ссылаясь на особые математические приемы, они прямо подводят нас к мысли, что их вариант истории истинен, ибо подкреплен строгими знаниями о подлинных и вечных законах мироздания.

Ну а уши мифологического типа генеративности, кажется, торчат в новохронологии отовсюду. Напрашивается даже хлесткая фраза: Новая хронология это скорее Новая мифология! Миф ведь живет в замкнутом времени, мире повторений, циклов. Однако, с другой стороны, Новая хронология напротив, как мы сказали, открыта, и сама критикует вероятные повторы в историографии, да и

версию мифа мы рассматривали выше, отбросив ее. Следовательно, стоит посмотреть внимательнее на различные интерпретации понятия «миф».

«В современном научно-гуманитарном употреблении оборота «миф» можно обнаружить две тенденции» [41]. Первая из них – отождествление мифического с неверным. Здесь упускается и существо мифа, и появляется следующая проблема: рабочие версии науки не являются, конечно, продуктами мифотворчества, пока не прошли процедуры верификации, а то и фальсификации (по Попперу). Но в таком случае, придерживаясь гносеологически-разоблачительной версии, мы не можем разграничить миф или не-миф.

Вторая тенденция – аксиологическая. Здесь утверждается ложность не факта в мифе, а ложность оценки этого факта. Например, миф о нации придает национальной принадлежности неправомерную значимость. Не такова ли, кстати, и Новая хронология?

Но и здесь есть проблема: находясь на уровне оценок, мы не сможем выбраться из мифа вообще, заменяя в ходе бесконечной переоценки один миф другим. Впрочем, проблемы деконструкции и мифоцентризма имеют давнюю историю.

Существует и третья версия анализа мифа, гласящая: главное в мифе не содержание, а мифический субъект, заявляющий о своем образе мышления. Такой подход называется персоналистическим, и одним из его родоначальников является А. Бергсон. Иными словами, мифическая речь здесь – средство раскрытия императивов мифического субъекта.

В мифе субъект заявляет о способе связи себя и мира. Случайность, таким образом, превращается в знаменательную,

необходимую и активную реальность. Миф появляется там, где есть возможность скачка от реального к должному. Мифическая речь – языковая игра, подразумевающая тайну, а миф – возможность для изъяснения «я».

Отличить миф от не-мифа при таком подходе достаточно просто. Если из мифической речи восстанавливается субъект – это миф, если нет – не-миф, подделка.

Информационно-познавательная составляющая мифа, следовательно, здесь ничтожна. Миф скорее – терапевтическое средство, он взывает и соединяет. Субъект мифической речи подобно актеру на сцене вплетает свою жизнь в общую повествовательную драму (в метанарратив), осуществляя процесс самораскрытия и самоутверждения.

Однако (как бы ни хотелось нам остановиться на последней версии) при этом в Новой хронологии мы видим не только языковую игру личности, но и нечто универсальное: например, миф о всемогуществе, одиночестве и ничтожности. Эти мифы являются, можно сказать, - историческими инвариантами, своеобразными «архетипами» (позволим себе первый крошечный шаг в сторону психоанализа). То есть в новохронологии, возросшей на российской почве, мы можем наблюдать ядро, которое шире любого личного или национального мифа. Новохронология – международное и полихроническое явление, так что за субъект ищет выражения в ней? Наконец, как вообще персоналистический подход может объяснить социальность мифа, образование упомянутого метанарратива? Нет, только мифом назвать Новую хронологию было бы неправомерно.

Однако для нас, тем не менее, важно

то, что, как и в мифе, в новохронологии в основу (псевдо)исторического сюжета положены конкретные личности своеобразных трикстеров, культурных героев, полубогов, носящих многочисленные имена и совершающих в различных обличьях титанические деяния, находясь иногда одновременно в нескольких местах (например, многоликий Иван Калита). И - что особенно интересно - в пределе своих концептуальных установок новохронология пытается свести весь пантеон к одному единственному персонажу. Так проявляется эссенциализм, убежденность в наличии единой сущности мира, свойственная, пожалуй, любому типу историчности. Только обычно поиски субстанции ведутся по вертикали, и тогда исследователь находит в мире глубину - часто кажущуюся, - а в новой историографии за субстратом «охотятся» в горизонтальном измерении, сводя многое в истории к Единому и даже к сингулярности.

Впрочем, в мифическом мышлении, согласно Вольфгангу Демперту, вообще невозможно провести различие между единичным и общим. Например, любой миф о богах повествует о некотором единичном событии во времени и вместе с тем об общем, заключённом в этом временном событии. Так, «единичная и вместе с тем общая (каждая!) ночь начинается с того, что богиня Никс покидает Тартар, когда туда спускается Гемера. Единичная ночь неотличима от любой другой ночи, так как все ночи представляют собой извечно божественное событие» [42].

С другой стороны, - трансцендентен ли миф логосу? Например, появление мифа - по К. Ямме - четко совпадает с появлением исторического сознания. Анализируя термин «Fremderfahrung» - ключевое понятие современной феноменологии,

означающее встречу чужого в собственном опыте, - немецкий исследователь приходит к выводу: миф можно воспринимать как неустранимое присутствие зон иного в моем собственном. И в отличие от Ю. Хабермаса, утверждавшего, что миф невозможен в расколдованном мире, Ямме считает - миф принадлежит нашему опыту, он принципиально неустраним.

В любом случае, ориентируясь на особую темпоральность мифологических структур, в нашем исследовании полезным будет задать вопрос: почему же именно хронология, последовательность исторических событий стала отправной точкой критики историографии? Причем хронология - это действительно лишь отправная точка, за которой следует тотальная реконструкция истории. Но все же: почему все критики историографии начинали и начинают с временных концептов?

И если в эпоху Нового времени, хронология внешне интересовала исследователей с точки зрения борьбы за «истинную» Библию (это мы рассмотрели выше), то в наше секуляризованное время, чем объяснить этот феномен? Может быть, наличием реальных и серьезных проблем в самой хронологии?

В самом деле, читая о том, что Юлий Цезарь был убит в 44 г. до н. э., задумываемся ли мы над тем, в какой мере эта дата заслуживает доверия? Датировки событий древности, получаемые историками с помощью своих методов, всегда относительны. Историки должны протянуть между двумя событиями, зачастую разделенными многими веками, непрерывную цепочку промежуточных событий, в которой каждое последующее цепляется за предыдущее. Суммарная продолжительность всех звеньев этой

цепочки и дает интервал времени между двумя отдаленными событиями. О точности здесь и вправду остается только мечтать.

На первый взгляд, как раз именно эту относительную неопределенность в хронологической последовательности использует Фоменко. Вот как он описывает алгоритм своих исследований, выделяя в нем три этапа: 1) разработку и испытание математических методик, касающихся, например, объемов исторических текстов, частот употребления имен в них и др.; 2) применение методик к материалу древней истории, что позволяет обнаружить «аналоги» или «дубликаты» - заимствования, повторы, литературные штампы, параллели; 3) выявление внутренней структуры глобальной хронологической карты - ГХК - и получение основного результата: открытие того, что ГХК получается наложением – «склеивкой» - четырех практически одинаковых слоев.

В итоге хронологическая шкала истории получается короче. Но какой смысл в этих «короче», «длиннее», «древнее», «моложе», «ближе» к «настоящему», «дальше» от момента «сейчас»? Пожалуй, ответ на этот вопрос сильно продвинет нас в понимании сущности Новой хронологии.

Однако здесь мы не должны спешить. Ведь, несмотря на то, что исследования Гуссерля обозначили нам типы генеративности, принципы и варианты самого исторического сознания по-прежнему остаются для нас неясными. За этим, кроме того, скрывается еще один вопрос: отчего же современная нам эпоха проявляет такой интерес к истории? И каковы исторические основания современных представлений об истории, подходов к исследованию истории, например, исполь-

зуемых тем же Фоменко? Какова история самой истории? Ведь не на пустом же месте возникла Новая хронология, и сколько бы ее не клеймили лженаукой, она все же остается пусть специфической, но самопрезентацией эпохи. Попробуем разобраться в этой проблеме.

Историзм в современном виде – безусловно, парадигма нового мировоззрения Запада. Гегель, Дильтей, Шлейермахер, Гуссерль – эти имена неразрывно связаны с величайшими достижениями в западной философии, но, одновременно, и с возведением проблематики исторического мышления на невиданную ранее высоту. Однако полнее всего философия истории связана с именем Дильтея.

Анализ этиологии и сущности исторического сознания (взяв за основу как раз учение Дильтея) проводит, в частности, М. Хайдеггер в знаменитых кассельских докладах.

«В ней (теме исторического) заключена одна из фундаментальных проблем западной философии – проблема смысла человеческой жизни» - пишет баварский мыслитель в начале, обозначая «безграничные» границы своего исследования, да и исторического вообще [43].

Историческое мировоззрение, - по Хайдеггеру, – это совершенно новое мышление и такое, в каком знание об истории определяет постижение мира и человеческого существования.

У греков, - пишет философ, - был известный опыт исторического. Однако известное ведение относительно перемен еще не слагает исторического сознания. Только в гуманизме и реформации стала пробуждаться историческая критика, стало просыпаться национальное сознание отдельных народов. Но само историческое сознание появилось позднее, когда

история стала выступать для человека как собственная действительность. Когда историческое знание стало принципом совокупного созерцания всего человеческого.

Кант, Гердер, Гумбольдт, Гегель, - перечисляет Хайдеггер, - заложили основы собственно исторических исследований Вольфа, Шлейермахера, Ранке.

Однако в это же время появилась и позитивно-систематическая работа над историей, забывшая вопрос о смысле исторического. В истории начали охотно применяться естественнонаучные методы. Современная же философия истории обязана своим появлением Дильтею, который впервые ясно осознал: вопрос об историчности человека – вопрос о времени.

Историю Дильтей, - продолжает Хайдеггер, - исследует тремя путями: 1. научно-историческим; 2. теоретико-познавательным; 3. психологическим.

Основной путь, конечно – третий. В нем Дильтей стремился обосновать своеобразное положение наук о духе. Его психология – это не традиционная психология, отбрасывающая своеобразие бытия жизни. Его психология – это антропология. В этом смысле, правда, Дильтею предшествовал Brentano (впрочем, как и Husserl). Однако историческое преломление психологическая проблематика приобрела именно у Дильтея. Такая психология постигает структуры, как первичное живое единство самой жизни. Психология Дильтея принципиально описательна, а не объяснительна, анализирует, но не конструирует.

Естественнонаучная психология создает свою теорию на основе довольно произвольных гипотез, ей свойственен вульгарный редуктивизм. Дильтей же изучает всегда заранее данное единство и

связность. И самое главное открытие, которое он делает, заключается в том, что духовная жизнь человека - исторична.

Судьба учения Дильтея, по мнению Хайдеггера, сложна и драматична. Считающие себя сторонниками подлинного исторического подхода Виндельбанд и Рикерт поняли Дильтея формально, и лишь формально разграничивали науки о природе и науки о духе.

Тот же Рикерт пытался следовать принципам Дильтея, но его интересовало не познание истории, а ее изложение (то есть некоторым образом и хронология, что для нас важно). Историк, по Рикерту, излагает неповторимое, а естествоиспытатель – общее, в этом и заключается главное отличие точных и гуманитарных наук. Но это, как заявляет Хайдеггер, формальный подход. Психология, воспринимаясь как обобщение, перестает быть основой наук о духе. Добавим только, что современная наука-история грешит эмпиризмом и приверженностью к методам естественных наук на каждом шагу.

Впрочем, Ортега-и-Гассет считал, что даже Дильтей не до конца пошел в осознании принципов философии жизни. Не до конца понял, что лишь история – лучший путь для самоопределения нашего бытия в мире. С точки зрения испанского мыслителя важно проводить различие между жизнью, историей как объектом познания и историческим разумом как методом достижения знания. Он подвергает критике всех философов, понимающих историю априори. Логический формализм Гегеля, физиологизм Бокля, идеализм Вико, материализм Маркса – всем этим учениям Ортега-и-Гассет противопоставляет исторический разум как жизненный разум.

«В Греции слова «история» и «разум» противопоставлялись» - говорит он [44]. Задача современной философии - отыскать исторический разум. В этом она принципиально отличается от других форм отношения к истории, выработанных Европейской цивилизацией: теологии и научной историографии.

Вообще «проблема метода истории и статуса истории как самостоятельной дисциплины стала предметом серьезного обсуждения европейской философии 18 века» [45]. Сами историки долго были убеждены, что у них не может быть другого метода, кроме естественнонаучного. В качестве точной науки история воспринималась многими и позже - в 19 и в 20 веке.

Хотя, конечно - как мы частично показали выше, - активно развивались и учения противоположного направления. Это и философия жизни упомянутого Дильтея, и герменевтика. И если в 19 веке считалось, что история – это искусство, добавленное к учености, то к началу 20 века сложилось мнение, согласно которому: история - ученость, добавленная к искусству. Такой подход все внимание исследователя отдавал историческому нарративу, а историческая работа стала восприниматься как лингвистическая.

Таким образом, непосредственно в рамках самой исторической науки к началу XX века образовались два течения. Первое обосновывало принципы исторического научного исследования. Таков, например, историзм немецкой школы (Ранке), требовавший рассказывать историю так, «как это действительно случилось». Понятно, что литературные тексты здесь считались ненадежными источниками.

Вторая точка зрения – историописание, согласно которому историю следует

интерпретировать в подобии литературного творчества.

Х. Уайт в середине 20 века творчески воспринял эту идею и изложил конструктивистский взгляд на историографию. «Нужно освобождать настоящее от бремени истории», «исторические факты конструируются» - таковы были его основные тезисы, которые можно найти и в «Бремени истории», и в «Метаистории» [46].

Долгое время, по мнению Уайта, историки подходили к своей работе по принципу «или-или», - или нарратив, или исследование. Сам же Уайт заявил, что результаты исследования можно объединить только в нарративе. Причем все дело в сюжете, выборе тропологической модели, организующей историю (немедленно добавим к нашему импровизированному катехизису еще один вопрос: почему в этом случае именно такой сюжет выбрала Новая хронология?)

Так, по сути, после исследований Уайта произошел лингвистический (нарративный) поворот в понимании истории. Историки начали толковать использование языка не только как говорение о реальности, принуждаемое опытом, но и как самостоятельный механизм наилучшей репрезентации прошлого (принуждение языком).

Конечно, немедленно нашлись и противники такого подхода, благо поводов к критике обнаружилось достаточно. В частности, Манделбаум и многие другие историки увидели в нарративе источник релятивизма в истории. А В.Ф. Анкерсмит в свою очередь вообще предлагает отказаться от помощи языка и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого. В своем фундаментальном труде «Возвышенный исторический

опыт» он прямо ставит задачу освободить исторический опыт от тяжкого бремени языка. Конечно, большим вопросом является, как вообще можно представить непосредственный опыт прошлого, но, с другой стороны, непреложным остается и такой факт: в лингвистических исследованиях важно учитывать эпистемологический промежуток между языком и миром. Философия языка этот промежуток проблематизирует, а литературная теория рассматривает текст как вещь, собственно так его и изучая. Именно литературная теория движет многими историками, в том числе и сторонниками лингвистического подхода. Проблема придания значения текстам перед ними не стоит, значение придается и все, что, как минимум, несколько снижает ценность этого метода.

Следует сказать, что в современной исторической науке, начинают применяться и другие новые, специфические, даже экзотические методы, осуществляться необычные подходы, использующие принципы методологической конвергенции. Взять хотя бы синергетику - Пригожин не раз отмечал сходство ее методов с методами представителей школы Анналов (Блока и Бродель).

Активно используются также идеи постмодернизма: деструктуризация, отрицание бинарных оценок, идея множественности альтернатив. (В определенной степени – это голос в поддержку Новой хронологии). Плюрализм в истории обуславливает возможность наличия многих суждений по одному и тому же вопросу. Историческая действительность признается плюралистичной, содержание и объем исторических понятий - открытыми. Тут уж мир поистине становится матричным, информационно-проективным, конструктивистским. Интенциональность

исторического разума оказывается (как у Ж. Делеза) фикцией, устремленной в виртуальное, ничто.

В плюрализме, безусловно, присутствует мировоззренческий фактор, то есть элементы субъективизма. Но субъективизм при этом рассматривается как неотъемлемая часть исторического познания, имеющая, в том числе, воспитательное значение. Впрочем, и это не ново. Дидактические функции истории признавались многими и в античности и в средние века. В таком смысле абсолютизирует плюрализм, например, представитель анналов П. Нора, полагая, что история – не наука, но риторика, а историческое знание зависит от мировоззренческого климата сегодняшнего дня и служит задачам современности.

Кроме того, сегодня говорится о субъект-объектной корреляции в историческом источнике, контекстности истины и т.д. Одновременно в современной истории используется информатика, формально-количественные методы, методы многомерного анализа, шкала множественных оценок, статистические методы, позволяющие моделировать альтернативы, - ведь «на уровне одного только нарратива, как утверждается, скорее можно впасть в грех бинарности оценок: прогресс-регресс, свой-чужой» [47].

Таким образом, после проведенного обзора мы можем констатировать с достаточной степенью уверенности: новохронология действительно следует принципам современного историзма, доводит их до абсурдного, но вместе с тем логичного завершения, осуществляя упомянутый выше сдвиг в региональной онтологии науки. В ней достигают максимума и телеология, и строгость, и метафо-

рическое осмысление, и фабульная, сюжетная природа исторического мышления.

Идеи, эксплуатируемые Фоменко, - проектизм, альтернативы - витают сегодня в воздухе повсюду. Их не чураются и уважаемые, академические направления. Например, Кантор К.М. в своей работе «Двойная спираль истории: историософия проектизма». (Т 1: общие проблемы. М., Языки славянской культуры, 2002) всерьез затрагивает эту проблематику.

В частности, Возрождение, по мнению автора, это особый – эстетический – проект истории, в форме которого могли быть реализованы идеи первоначального христианства.

Здесь же можно вспомнить и концепцию Вико, который постулировал условие всякой доступной человеку истины следующим образом: познанным может считаться лишь то, что сделано самим познающим. И ведь в определенном смысле исторические конструкции Фоменко действительно означают процесс познания истории, отвечающий идеям итальянского мыслителя: истина для человека – то, что им сделано, а то, что сделано, - истина.

Кроме того, по мнению Вико, есть истина – ее доставляет интеллект, и есть достоверное знание – его доставляет сознание, или воля (знание о частном). В историческом исследовании соответственно за истинное знание отвечает философия, а филология – за знание достоверное. Филология, собственно, поставляет материал, философия же его проясняет. (Дж. Вико «Новая наука»).

Стоит ли теперь удивляться, что Новая хронология относится к истории, как к художественному тексту?

К сказанному следует добавить, что

профессиональные историки, как правило, – историки одного периода. А тогда именно дилетантизм (результат перверсии Гуссерлевского понимания прогресса с выделением специально образованного класса ученых) может позволить заметить в истории то, что трудно заметить профессионалам, зачастую не обладающим целостностью научного зрения.

Полный отказ от альтернатив в исторических исследованиях заслоняет от взгляда исследователя многие неслучайные движущие силы истории, реальную, а не акцидентальную уникальность. Творческий же дилетантизм может дать объемный взгляд на исторический процесс, следуя принципам набирающего силу постмодерна. И пусть прошлое всегда кажется нам застывшим и закономерным, тем не менее, моделирование в истории сегодня считается весьма эвристичным занятием.

Итак, мы показали, что Новая хронология – не случайное явление на горизонте современной общественно-исторической мысли, ее появление обусловлено сложным и противоречивым развитием исторического сознания новейшего времени. Можно сказать, в Новой хронологии, как в кривом зеркале, отражаются все существенные черты, все недостатки различных течений осмысления истории: нарративного подхода, естественнонаучного подхода, проектизма, плюрализма.

Однако многие вопросы, рассыпанные нами по тексту, по-прежнему остаются без ответа. Как можно объяснить тот факт, что критика историографии является своего рода культурным эпифеноменом, трансвременным явлением? Почему именно такой способ реконструкции истории выбрала группа Фоменко? Почему, наконец, отправной точкой критики

историографии является, как правило, хронологическая проблема?

И если с историческими, эволюционными корнями новохронологии мы более или менее разобрались, то логико-структурные моменты до сих пор находятся в тени. Попытаемся устранить это упущение.

И, как нам кажется, здесь стоит вспомнить о так называемом «синдроме отсутствия» (по выражению О.А. Кармадонова). Суть этого явления – для целей нашего исследования, ибо вообще-то абсентеистская логика многообразна – заключается в следующем. Эффект отсутствия имеет место там и тогда, где и когда отсутствующая сущность продолжает оказывать влияние на присутствующие сущности. (По мнению Жане, в частности, продуктивное воображение – реакция не на действительность, а на отсутствие чего-либо). При этом речь может вестись как о некогда существовавшей субстанции, так и о существующей где-то в отдалении или – главное – никогда не существовавшей, в том числе имеющей ноуменальный характер.

В качестве иллюстрации приведем (вслед за Кармадоновым) простой пример. Сегодня говорят об эффекте отсутствия башен-близнецов в Нью-Йорке. Интуитивно это понятно. Но не понятно другое: стоит ли восстанавливать комплекс, или же синдром отсутствия для общества в данном случае гораздо ценнее?

Иными словами, отсутствие, виртуальность в зависимости от конкретной ситуации имеет разную бытийную силу. В связи с новохронологией мы вынуждены признать, что виртуальность, как характеристика того, чего никогда не было и не будет, приобретает здесь абсолютный характер. Но что мы имеем в виду, употреб-

ляя термин «отсутствующее» в этом случае?

Собственно ответ на этот, который уже по счету, вопрос вплотную подводит нас к существованию новохронологии. Не само отсутствующее обуславливает манифестации критиков официальной историографии, но особая позиция (в частности, страх) по поводу отсутствующего, ибо nihil новохронологии – это тотальное отсутствие истории, времени, мира вообще.

Адепты новохронологии, находясь в переходной точке исторического самосознания – переход осуществляется отнюдь не от научного к трансцендентальному типу генерации, если верить Гуссерлю, но к более сложным, комплексным структурам, содержащими в себе, в том числе, и мифологический, и научный типы генеративности – оказываются в состоянии своеобразной онто-исторической левитации. Абстрактная самопрезентирующая рефлексия Нового времени в совокупности с определенным набором постмодернистских мифологем возвращают новохронологов к началу мира, – началу в мифо-историческом, гносеологическом и онтологическом смыслах. К началу, которое, в сущности, равноценно изначальной, до-мировой сингулярности теоретической физики, тоже не чуждой мифологическому сознанию. К началу, эпистемологическое значение которого заключается в достоверном присутствии одного только «я», – не важно, коллективного или индивидуального, то есть в солипсизме, а вернее, повторимся, – в специфическом эмоционально-чувственном комплексе по поводу солипсистских конструктов, рационализуемых всегда только задним числом.

Такой вывод может показаться

неожиданным и более чем спорным. Однако ход дальнейших рассуждений, по нашему мнению, демонстрирует его обоснованность. Начать же стоит с уточнения этого одиозного термина – «солипсизм»

«Исторически проблема солипсизма явно возникла на рубеже 17-18 вв., когда среди картезианцев выделилась так называемая «секта эгоистов» [48]. В 1703 г. был опубликован «Проект новой метафизики» Бруне, изложившего одну из самых последовательных солипсистских теорий. Однако совершенно ясно, что корни солипсистского учения лежат в философии самого Декарта, постулировавшего методическое тотальное сомнение. (Зафиксируем попутно – чтобы вернуться к этому вопросу позже – следующий факт: сомнение может определяться и как чувство, но основывает Картезий на сомнении исключительно интеллектуальные конструкции)

Принцип солипсизма - в общем виде - гласит, что чувственно воспринимаемый мир является иллюзией человеческого сознания. Здесь обозначена тонкая и крайне сложная проблема, включающая в себя важнейший вопрос о существовании других сознаний.

Так, например, один из самых известных адептов солипсизма Дж. Беркли, начиная с традиционной исходной посылки – констатации собственного существования («Свое собственное бытие я познаю с помощью рефлексии»), - далее в качестве основной ставит проблему перехода от *cogito* к существованию Другого, так как возникновение коммуникации может зависеть, например, и от бессознательной деятельности Я (как полагал и Декарт).

Чужие человеческие тела, приходит к выводу аббат-философ, суть лишь

собственные идеи познающего субъекта, но такие идеи, которые как бы являются знаками, указывающими на деятельность других. Вообще же положение о бытии других людей не обладает ясностью, к допущению их существования можно прийти только путем умозаключения. (Как, собственно, и к тождеству предметов)

Знание Другого, таким образом, получает гипотетико-постулативный, вероятностный статус. При такой позиции нет нейтрального, независимого объекта, соответствующего выражению «один и тот же». Однако качественное сходство разных восприятий Других у Беркли все же возможно на основе одного и того же посредника. Этот посредник, конечно же, Бог, на которого мыслитель возлагает ответственность за связность и единство мира.

С момента своего появления солипсизм приобрел большую популярность и, одновременно, черты философской скандальности – бороться против идей субъективного идеализма, или, по крайней мере, решать «проблему солипсизма» считали своим долгом все мало-мальски серьезные мыслители. Так, например, в 1890 у того же Дильтея выходят «Материалы к решению вопроса о происхождении нашей веры в существование внешнего мира». Заявленный в заглавии вопрос по существу таков: как определить фундаментальное отношение человека к миру? Однако, как нам кажется, подлинной проблемой солипсизма все-таки является зафиксированная Беркли с предельной ясностью проблема отношения человека к Другому, проблема существования Другого, а не абстрактного мира вообще. В этом смысле любая современная философская система имеет дело с солипсистской

проблематикой. И одна из трансформаций этой проблематики выглядит так: существует ли, возможен или необходим, и как возможен посредник (не важно, секуляризованный или божественный) между мной и Другим? Таково одно из измерений кантовского вопроса: что есть человек?

Анализ различных философских, антропологических концепций привел нас к выводу: наиболее продуктивным для нашей темы в преломлении проблемы Другого будет рассмотрение учения Ж.-П. Сартра. Наиболее интересные моменты его теории мы можем изложить следующим образом:

1. Согласно Сартру, существуют другие сознания в форме бытия-для-другого.

2. Другой смотрит на меня, он знает, кто я такой.

3. Мой проект моего воссоздания меня самого является проектом обладания Другим.

4. Отношение бытия-для-себя к Другому носит круговой характер, в частности, постоянно повторяющийся в состояниях любви, ненависти, страха, желания.

Если теперь остановиться на концепции французского философа подробнее, можно заметить следующее: Сартр в основании своей теории, по сути, подверг критике попытку Гуссерля доказать, что присутствие Других является необходимым значением объективности вещей. Теория Гуссерля, по мнению Сартра, мало отличается от тезиса Канта об объединении трансцендентных монад, конституирующих мир. Свои собственные идеи и взгляды на роль Другого в бытии человека Сартр изложил в «Эссе о трансцендентности Эго», и позже в фундаментальном труде «Бытие и Ничто».

Построение своей системы Сартр начинает с выявления чистого сознания, лишённого фикции Эго, как частного объекта трансцендентного содержания. Чистое трансцендентальное сознание – это ничто. И Мир, и само Эго находятся всегда уже внутри трансцендентного поля.

Эго, таким образом, оказывается лишь коррелятом трансцендентального сознания. Оно - посредник между сознанием и миром, причем Эго принципиально чувственно. Чистое же сознание не способно воспринимать другое сознание, кроме самого себя.

Позже Сартр обозначил сознание как бытие-для-себя, а мир как бытие-в-себе. Бытие-для-себя лишено сущности и обречено конструировать мир и себя, придавая им значение. Кроме того, в этот период творчества появляется у Сартра и третье измерение – бытие-для-другого. Здесь сталкиваются две свободы, и фиксируется состояние «бытие объектом для Другого». С появлением Другого возникает ситуация, которой Я не владеет, которую Я не контролирует. Проблема существования других сознаний здесь решается разверткой следующего тезиса: бытие-для-себя несет в себе свое объективированное бытие, что предполагает существование Другого.

Бытие-для-себя характеризуется тремя видами экстаза: темпоральным, рефлексивным, бытие-для-другого. Все эти выходы за пределы себя составляют судьбу человека, и все они заканчиваются неудачей, определяя жизнь человека, как вечный процесс бегства-преследования.

Вообще роль Другого в мире человека у Сартра трудно переоценить. Другой придает мне бытие, бытие-в-себе, я в свою очередь преодолеваю эту однозначность

придания смысла в попытке превзойти трансцендирование Другого. Так появляется коренной конфликт: Я и Другой стремимся и освободиться от господства, и подчинить себе друг друга одновременно. Таким образом, бытие-для-другого, как форма обладания, является фантомным бытием. Я стремлюсь овладеть представленным мне моим бытием, чтобы обосновать его в своей собственной свободе. Значит, мой проект восстановления и обоснования себя есть проект овладения Другим, а значит и сохранения Другого. Так возникает, в том числе, и представление о бытии-абсолюте, реализующегося в форме Бога или солипсистского Я.

Однако при этом единство с Другим, по мнению Сартра, никогда не будет осуществлено. Судьба человека - вечный круг: от себя к Другому и обратно, от Другого-объекта к Другому-субъекту.

Кроме того, при таком разрешении проблемы Другого появляется вопрос: какими психическими феноменами должны сопровождаться сартровские процессы? Ведь и Сартр не избежал появления на арене посредника в виде эмпирического Эго, отвечающего, в том числе, и за психо-эмоциональную сферу. В каких же конкретных психических формах в таком случае Эго может выступать в качестве медиума между мной и Другим, между чистым трансцендентальным сознанием и трансцендентным содержанием?

Расширим высказанную нами ранее гипотезу: одной из форм такого посредничества Эго, соотнесенной с базовыми структурами психики, как раз и является (в особом смысле) солипсизм, которому, как мы покажем ниже, структурно соответствует новохронологическое сознание, как сознание, находящееся в процессе поиска-ухода от Другого.

Однако здесь стоит приостановить бег нашей мысли и спросить себя: не страдает ли наш подход «грехом» психологизма, который тот же Гуссерль столь яростно критиковал? Эта проблема к тому же не является только лишь «побочной» в нашем исследовании или общеметодологической и требует тщательного разбора.

«С самого рождения психологической науки, с работ Вундта, возникла проблема соединения двух психологий» [49]. Первая из них, в терминах Вундта, трактовалась как экспериментальная, ориентирующаяся на естественнонаучные образцы, вторая – как наука, описывающая сложные формы психической жизни.

Собственно Гуссерль и в «Кризисе европейских наук», и раньше в «Логических исследованиях» критиковал именно натуралистическую психологию. Борьба эта имела цель высвободить из-под экспансии психологизма математические и логические истины. Гуссерля волновал порождаемый психологизмом скепсис, при котором математические истины трактуются как психологические фикции (Беркли, Юм). – (Заметим, однако, что в нашей интерпретации солипсизма речь не идет о представлении мира как психологической фикции, но постулируется необходимость особого отношения к миру, как фикции; логическая структура мира, компендиум частных истин при этом не ставится под сомнение, лишь наделяется сопутствующими функциями онто-терапии. Кроме того, надо ведь еще и понять, почему именно такое отношение к математическим истинам демонстрировали Беркли и Юм, каковы заранее данные возможности солипсизма?).

Да и сам Гуссерль говорил о трансцендентальной феноменологии, как высшей психологии, выявляющей смысловые структуры данности человеку мира. Она

(эта психология) заключает вопрос о существовании мира в скобки, не ставит вопрос об онтологическом статусе смысловых структур, что в определенной степени соответствует нашей позиции.

Однако наивно-естественная установка, как коррелят эмпирического Эго Сартра, в свою очередь ставит вопрос именно так - онтологически – это, собственно, способ данности мира уже ей самой. И наука встраивается в деятельность, имеющую в привычном жизненном мире смысл предвидения поведения стабильных предметов, то есть имеющую солипсистский оттенок, лишь уточняя ее методически. Недаром в науке так развита критика субъективистских течений, - наука не вполне осознанно, но действует в рамках вопроса об онтическом статусе мира, этим проясняя и имплицитную установку наивного жизненного мира. Натуралистическая психология также служит уточнению предвидения в отношении человека, Другого, олицетворяя теоретический срез деятельности Эго-посредника.

Гуссерль говорил, кроме того, об интенциональном взаимопроникновении, в котором реализуется – в результате эпохи и превращения мира в феномен – всеобщая взаимосвязь субъектов на внутреннем уровне и формируется общность их жизни. (В наивной установке, повторим, такое взаимопроникновение реализуется в постоянной постановке вопроса об онтическом статусе мира и Другого). Здесь, впрочем, очевидно стремление родоначальника феноменологии обойтись без посредника между Я и Другим.

Однако Сартр в книге «Бытие и ничто» говорит, что среди проектов освоения мира есть и непрозрачные структуры. Их не возможно выявить при помощи феноменологической редукции. В качестве примера

он приводит самообман. Рефлексия, утверждает Сартр, разрушила бы эти структуры, но они есть, следовательно, неподвластны рефлексии! Эти структуры скрываются во тьме Эго. Нельзя не вспомнить, кроме того, что по Ясперсу психика не свойство какого-либо объекта, а специфический модус бытия, при чем у человека это бытие имеет волевой, то есть эмоциональный характер.

Объективирующая же психология лишь уточняет тот аспект самопонимания человека, что обнаруживает себя в донатучном мире, то есть в формах посредничества Эго. Например, известные ученые, авторы учебников по психологии Петровский и Ярошевский считают, что «быть субъектом – значит воспроизводить себя, быть причиной существования в мире» [50]. Воспроизводить – значит длить то, что заранее дано. Поэтому быть причиной - значит способствовать длению, пребыванию в неизменном виде.

Здесь мы видим, как с наивных естественных позиций, пусть научно оформленных, трансцендирование собственной данности человека, экзистирование заменяется имманентными процессами, отвечающими сартровским отрицанию-сохранению Другого.

Да ведь еще Гадамер утверждал, что понимание (но не овладение, не познание!) приостанавливает притязание на истину того, кого мы понимаем, и все то, что мы поняли, не есть научное знание. В наивной же установке притязание на истину тотально, и реализуется двояко: в солипсистских тенденциях, - как элиминация Другого, и в социализирующих установках, - как обратный момент подтверждающей рефлексии.

Естественная психология напоминает пародию в худшем смысле этого слова:

как упрощенный, карикатурный способ моделирования. Скажем, в психологии мы можем констатировать неустранимое присутствие исследователя в составе условий существования исследуемого. Это напоминает принцип неопределенности квантовой механики. Сциентистская психология стремится элиминировать это условие, претендуя на всеохватность, адекватность и универсальность. В то же время, если у эскимосов мы находим 154 названия для разного снега (несмотря на расхожесть, аналогия в данном случае уместная), неужели человека можно и должно описывать проще?

В целом отказ от психологической позиции - не редуцивистского типа, но подобной психологии Дильтея и Ницше - не представляется конструктивным. В определенном виде психология лежит в основе многих философских концепций: вспомним только исследование феноменов воли у Шопенгауэра и Рикера, творческое самовыражение у Бергсона, интерпретации страха у Кьеркегора и Хайдеггера, философию поступка Бахтина.

Укажем еще раз, что с психологией неразрывно связана и феноменология. Основателем феноменологии можно считать Ф. Brentano. Именно он начал говорить о необходимости исследования ментальных феноменов, данных нам в непосредственном осознании. И новую науку он называл дескриптивной психологией! Специфика психических феноменов, по его мнению, заключается в их интенциональном существовании, сущностном единстве и в их очевидном внутреннем восприятии. Внутреннее восприятие по Brentano – источник истины, вообще всего - в формах созерцания, суждения и интереса. А вещи – непсихологические корреляты актов представления.

Brentano же были заложены основы

интерсубъективности (в двух видах суждений: существования и несуществования). Интересна у него и онтология оценок, в которой мы переходим от психологии чувств, предпочтений к онтологическим коррелятам соответствующих актов.

Далее идеи Brentano развивали и Гуссерль, и Мейнонг, и Твардовский, и Ингарден, и Сартр, и Лесьневский, и Лукасевич и в определенном смысле даже Фрейд и Фромм! И в концепциях этих мыслителей – пусть и относящихся к самым эзотерическим областям практического психоанализа, математической логики и семантики – психология играет значительную, если не ключевую роль (как и представленная имплицитно солипсистская проблематика).

Конечно, концептуально позиция того же феноменологического исследования определяется принципом – к самим (реальным) вещам. Однако в то же время основной характеристикой феноменологического взгляда на сознание является «интенциональность» (в средние века – психическая расположенность) и «категориальное созерцание» (подтверждение бытия, того, что «есть»).

Можно также вспомнить разницу между реальным объектом и ноэмой у Гуссерля. (Ноэматический план освобожден от вопросов об онтологическом статусе – явная попытка уйти от неразрешимой рациональными методами проблемы существования внешнего мира). Можно вспомнить полные (полностью определенные) и неполные объекты Мейнонга, влекущие за собой проблему всеведения, так как если мы знаем лишь полные объекты, обладающие существованием, то мы должны знать бесконечное множество высказываний о них, а значит, мы полные объекты знаем на основании

неполных объектов, и, следовательно, проблема онтологического статуса сохраняется.

Наконец, можно еще и еще раз повторять, что сам Гуссерль считал феноменологию улучшенной психологией, причем традиционного научного типа.

Итак, психология, как специфическая деятельность, заключающаяся в попытках прояснить «непрозрачные» структуры человеческого бытия, является неотъемлемой частью современной антропологии, современной философии. Причем психологическая проблематика, так или иначе, вращается вокруг довольно ограниченного числа вопросов: онтологический и гносеологический статус человека, Другого и мира, устойчивость, идентичность человека. Что ж, в таком случае целесообразно коснуться и последней проблемы (идентичности).

«В современной психологии Я имеет три плана: эпистемологический (центр познания), психологический (самость), социальный (самопрезентация). Второй и третий планы традиционно определяются как источники проблем с идентичностью» [51]. Собственно идентичность сегодня попросту понимается как результат идентификации, а идентификация – как определение я-образа.

Однако Ясперс в «Общей психопатологии» описывает идентичность как сознание того, что я остаюсь тем, кем был всегда. Эриксон определяет идентичность как чувство непрерывной самоидентичности. Лакан вообще возражает против униформизма в определении Я. Идентичность у него означает процесс поиска себя в множестве образов. Здесь человек – фрагментированная разорванная сущность.

Далее: одной из основ идентичности, с точки зрения современной психологии,

является наличие круга людей, подтверждающих Я, его неизменность. Наличие этих людей уже является доказательством цельности Я.

С другой стороны Бодрийяр писал, что Другой – это то, что позволяет мне не повторяться до бесконечности. Другой ставит границу моему существованию, помогая мне определиться хотя бы апофатическим способом.

Одним словом, можно констатировать, что вопрос об идентичности, как и кризис идентичности - вечные спутники современного человека, населившие великое множество психологических и парапсихологических теорий. Однако одно кажется все-таки очевидным - в поисках идентичности человек, как правило, ищет поддержку вне себя, взыскует внешней стабильности, на которую можно ориентироваться, при этом всегда оказывается, что подлинная устойчивость находится внутри. И вновь перед нами встает меняющийся, подобно Протею, облик вопроса о необходимости, возможности и условиях существования посредника между «Я» и «Я» (в терминах психологии - между самостью и центром рефлексии), «Я» и миром, Я и Другим.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к одному из главных вопросов нововременной философии (вопросу, имеющему солипсистскую подкладку): что может являться основанием для представления в мышлении чего-то внешнего этому мышлению? Как обосновать объективность содержания мышления?

Приведем в качестве иллюстрации известное высказывание Декарта: «в это самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете... (Здесь уже можно поставить точку! Прим. автора)

было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал» [52].

Здесь обоснование «Я» исходит из аподиктичности «Я». Иным способом обоснования является аргумент-допущение о существовании абсолютного удостоверяющего существа. (Бог или Другой)

Для Гуссерля, например, и его последователей (в частности, Апеля) источник обоснования находится в трансцендентальной intersубъективности. Так феноменология пытается избежать психологизма, выходя за пределы субъективности и освобождая содержание суждений от психики, исторических и физических условий. Правда, не ясно, каким образом intersубъективность можно соотнести с декларируемой Гуссерлем самоочевидностью феноменов.

Достаточно интересную общую модель обосновывающей парадигмы западной философии разработал А.Н. Павленко, назвав ее модель «Энарх» [53].

Павленко предлагает представить, что в мире существует лишь один познающий субъект - Энарх. Если феномены очевидны, то общество для убежденности в существовании мира ему не требуется. Значит, у Гуссерля, постулирующего intersубъективность в качестве базового элемента возможности коммуникации, она (intersубъективность) стремится стать фундаментом идеального, и, следовательно, имеет природу неустойчивости, психологизма.

Однако же не потому общественный организм, считает Павленко, получает бытие, что ему предшествует общественный договор, или intersубъективность, а общественный договор, intersубъективность возможны потому, что всегда прису-

тствует преданная цельность общественного организма.

Таким образом, можно заметить, что в основе философии Гуссерля (являющейся ярчайшим примером современного философского мышления), так или иначе, лежит скептицизм. Это понятно: если мы в обосновании остаемся только в рамках intersубъективного, сомнений нам не избежать. Мир, данный в ощущении и мышлении, рано или поздно приобретет тогда черты условности, случайности, иллюзии. Солипсистская тематика, следовательно, оказывается неискоренимой, становясь проявлением тех самых «затемненных» структур Эго.

Не имеет значения в таком случае и любая критика скептицизма, например теория Патнема «Мозг в пробирке». Здесь мы вновь встречаем вопрос: не является ли мир иллюзией? И множество усилий тратится, чтобы доказать – нет, не является. Причем исключительно логические аргументы бьются опять же средствами логики. Это понятно: скептицизм – логически строгое учение, но в стороне здесь остается вопрос: что лежит в основаниях логики? Почему она играет столь важную роль в самообосновании человека? Является ли логика лишь инструментом согласования мира и мышления, как это проповедуют учебники? (Представляется, что ответ на эти вопросы можно получить, проанализировав, в том числе, и различие понятий тождество и сходство, однако это выходит за пределы настоящей работы).

По мнению Павленко, - совпадающему с нашей позицией - источник скептицизма неустраим. Неизбежность скептицизма описывается так называемой «теоремой о «затылке». Голова упомянутого фантастического Энарха не может обосновать существование затылка, находясь

только в пределах мышления. В этом и заключается экс-татичность человека, трансцендентальность, стремлению к тому, что удостоверить нельзя. Любая реальность, не данная нам в ощущениях, при отсутствии третьей стороны, будет неустойчива. Павленко считает, что основная причина появления тотального сомнения - в секуляризации, уходе религии на второй план, в стремлении освободиться от внешних авторитетов.

В пользу этого аргумента можно привести немало доводов. Скажем (пример произвольный, но от этого не менее демонстративный), Шредингер, один из отцов скептической натурфилософии, именуемой обычно квантовой механикой, говорил: «Поэтому я не постесняюсь прямо и открыто объявить мистико-метафизической гипотезу реально существующего внешнего мира, предназначенную для объяснения того, что все мы, в конце концов, обнаруживаем себя в одном и том же окружении. Тем не менее, желающий может пользоваться ею. Она удобна, хотя несколько наивна и многое при этом теряется. Но ни в коем случае не имеет он права клеймить другие точки зрения, как метафизические или мистические, полагая, что его собственная свободна от этих «слабостей» [54].

Однако, как мы заявляли выше, стремление к самообоснованию, поиски путей обеспечения идентичности, устойчивости себя, диалог с возможными посредниками, отражающийся, в том числе, в специфических эмоционально-чувственных комплексах, свойственны человеку вообще, - не только эмансипированному субъекту Нового времени.

Как ни странно, но некоторые направления классической психологии дают немало доказательств в пользу последнего тезиса. Например, Ж. Пиаже со своими

исследованиями детской психики внес большой вклад в разработку солипсистской тематики (скажем, первый год жизни ребенка он определяет как период абсолютного эгоцентризма - «солипсизм первого года жизни»).

Как указывает французский психолог, ребенок в 5-6 лет не знает транзитивности и сохранения количества, хотя в 6-7 лет они для него уже достоверны. «Может ли эта достоверность возникнуть из опыта, еще не вполне достаточного? Является ли она результатом передачи норм, что не очевидно? Или же причина в эндогенном структурировании (через уравнивание и саморегуляцию)?» [55]. Пиаже дает отрицательный ответ на все эти вопросы, обозначая, таким образом, серьезную проблему.

Восприятие мира, как показывает нам французский психолог, оказывается не статичным. Лишь к 7 годам ребенок овладевает сериациями (например, транзитивностью) и классификациями. Затем появляется рекуррентность сознания. Порядковые отношения, тем не менее, долго превалируют над метрическими, - например, в отношении пространства.

Иными словами, постоянство объектов не является для человека очевидным от рождения. Довольно долго оно зависит от локализации в пространстве. То есть ребенок до определенного возраста оперирует с уникальными образами, не имея еще представления о сохранении, постоянстве, тождестве. Первая форма постоянства относится к собственному телу, и она качественная. Квантификация, оперирование с количеством требует уже более сложного конструирования. К тому же представление о сохранении тел не возникает из понятия идентичности. Единство мира предполагает сложное

взаимодействие с обратимостью и количественным конструированием. Не сразу формируется и представление о случайности, долгое время ребенок считает, что все можно предвидеть.

Однако каким же образом все сказанное выше может относиться к Новой хронологии? Как столь длинное отступление повлияет на наше понимание этой версии историографического мышления?

Для начала заметим, что, следуя принципам солипсистского сознания, новохронологи пытаются добиться идентичности, устойчивости, сводя историю, мир к самоочевидной сингулярности, сближая границы пространства и времени. Все это напоминает фантастическую вселенную Амбера Р. Желязны: существует лишь один подлинный мир, а рядом с ним - бесконечное количество отражений. На ум приходит также и всевозможные варианты платонизма.

Кроме того, мы, наконец, можем несколько иначе взглянуть и на дважды уже обозначенную ранее проблему: почему именно хронология является отправной точкой и ключевым звеном любой, пожалуй, критики историографии? И вновь на помощь нам приходят «Кассельские доклады» Хайдеггера.

«Человеческая жизнь, - пишет философ, - не проходит во времени, а есть, по существу, само время» [56]. Но как появляется и понимается время в обыденности? Время в повседневной жизни определяется через упорядочивание существования посредством календаря - дней, годов, недель. Это озабоченное устраивание, но устроенное здесь при этом закрывается и забывается, его история заканчивается. Часы - это тяга быть всегда в настоящем. Это попытка поставить время в свое распоряжение, в вечное «сейчас».

«Каковы подлинные мотивы измерения времени? - спрашивает Хайдеггер. - Первичное представление о времени мы находим у Платона в «Тимее»: время - это небо. Далее время становится все более озабоченным: когда собрать рынок, собрание? Как поставит на службу «сейчас» для взаимосогласованного действия? Пользоваться часами, значит, - все время обращать в настоящее» [57]. Это неопределенно-безличное время всеоткрытости. Наконец уже у Аристотеля мы читаем: время можно понять как «сейчас», подсчитываемое в аспекте более раннего или более позднего.

Древние греки, добавляет Хайдеггер, понимали бытие как то, которое никогда не бывает таким, чтобы его не было здесь. Традиция, выраженная полнее всего западной философией, восприняла это понимание бытия и применила его для объяснения истории, забыв, однако, что она (история) ведь не всегда здесь. Отсюда и рождается эта неспособность познать подлинное историческое существование, сводя его к бесконечным моментам «сейчас».

В таком аспекте озабоченность хронологией становится нам более или менее понятной. В критике историографии вновь и вновь совершается попытка овладеть временем через скрупулезное подсчитывание его точек-мгновений, через сведение времени к вечному «сейчас», где все сливается в единообразно-монотонное «здесь». Более того, прояснилась теперь и связь «естественного» исторического сознания (новохронологии в том числе) и солипсизма.

Но здесь, однако, нужно сказать следующее: употребление термина «солипсизм» (как и его производных), взятого в собственном значении, методологически

не совсем некорректно. Солипсизм – это гносеологическая, интеллектуальная (или, по крайней мере, интеллектуализированная) установка отношения к бытию. Солипсизм - это даже не буквально *solus ipse*, а скорее - и вернее: *esse percipi est*.

Исходя же из семантики употребления этого термина в рамках психологической позиции, более уместным и значимым представляется именно словосочетание «страх солипсизма». Таким образом мы демонстрируем значение солипсистской позиции в жизни человека, связывая ее (позицию) с деятельной, эмоционально-волевой сферой экзистенции, выраженной в эмпирическом Эго и определяющей, конечно, процесс познания. В общем же виде, согласно нашей гипотезе, страх перед солипсизмом есть десублимированная форма хайдеггеровского Ужаса перед Ничто, форма, определяющая, в том числе, социальный характер бытия человека, наличие сферы интерсубъективности.

Анализ философских эмоций – скуки, Ужаса - М. Хайдеггер осуществляет в небольшой работе «Что такое метафизика?» - «Ужас, - пишет он, – тайный король среди настроений. Он в корне отличается от страха. Страх направлен на определенное и мелочен. За ужасом стоит мир как таковой, то есть трансцендентность» [58]. Перед Ужасом развенчивается всякая значительность, за Ужасом всегда стоит Ничто. Страх имеет основания, ужас подвешивает нас над пустотой. Погружение в Ужасе в Ничто Хайдеггер называет выбытием из сущего, трансценденцию – удержание в Ничто. Перед бездной Ничто человека охватывает *horror vacui*, принадлежащий чистой трансценденции. Так осуществляется нуминозный опыт – ощущение Ужаса перед мощью Ничто. В этих ощущениях переживается опыт не-Я, опыт ничтожности мира, опыт отсутствия отношений.

Однако потребность обрести твердую почву в человеке неискоренима. И самое первое прибежище от Ужаса человек ищет в самопредставлении, в котором нужны и посредники, и достоверность, и методы обоснования. В то же время Ужас, *horror vacui* никуда не исчезает, но в опытах самопрезентации, по нашему мнению, он превращается в *Horror solipsismi*, - в редуцированную, десублимированную, «оформленную» форму Ужаса пустоты, форму, свойственную эмпирическому Эго. В страхе солипсизма налицо самоукрывание трансцендентной природы человека.

- Что такое страх? – можем мы спросить вслед за Хайдеггером.

- Это сила.

- Что такое сила?

- Это противоречие.

- Что такое противоречие?

- Это движение.

Страх солипсизма тогда, как измененная форма Ужаса перед Ничто, - есть движение, определяемое трансцендентным, экс-татическим характером человеческого бытия, и осуществляющее «выталкивание» человека во вне-себя-определенное, в том числе и к социуму, то есть к верификации себя (и мира) через коммуникацию, взаимодействие с посредником.

Таким образом, пользуясь некоторыми, продуктивными с нашей точки зрения, психоаналитическими смыслами, мы можем даже говорить о некоем онтологическом неврозе, в рамках которого человек выстраивает защиты гнетущему Ужасу пустоты вне предполагаемых пределов своих чувств и замещает боль ощущения пустоты страхом одиночества.

Эта невротическая ситуация билатеральна: солипсизм с одной стороны, в

некоторых приватных ситуациях, дарует человеку ощущение божественного всемогущества, с другой стороны, как общая установка, рождает чувство онтологической неполноценности (оба эти качества очевидно структурно присущи Новой хронологии). Поэтому и онто-невротическая динамика приобретает амбивалентный характер: чувство общности, практика коммуникации есть естественный переход от неполноценности, ужасной пустоты солипсического одиночества к всеобщему признанию.

Такую двойственность человека постулировал, в частности, и Э. Фромм. Все потребности, все существо человека вытекают, по мнению гуманистического аналитика, из этой двойственности. Потребность связи с другими существами реализуется одновременно через любовь и власть. Потребность в трансценденции, выхода за пределы своего случайного существования, преодоления определенности в обстоятельствах и Другим (часто через солипсистское уничтожение окружающего) накрепко связана с потребностью в укорененности, потребностью в идентичности, ориентации. «Человек не смог бы находиться перед лицом бытия ни секунды, - говорит Фромм, - если бы не был способен находить связи со своими ближними» [59].

Более того, подтверждение тому факту, что солипсические тенденции определяют не только детский опыт, но и текущие, ближайшие цели в любой момент жизни человека, можно найти не только в теории, но и в практике психоанализа. Интересен, например, в этом смысле случай, описанный А. Адлером. Тридцатипятилетний пациент аналитика развил навязчивую идею, будто бы он является единственным живым существом, а все остальное, особенно люди, - только види-

мость. В обесценивании сущего ему помогал колдовской «ластик», стирающий все вокруг. Таким образом, он лишал реальность силы, - используя символический волшебный предмет, он защищал себя. Он создал себе солипсическое алиби: если никого нет, мое всемогущество не ставится под сомнение, потому что его (всемогущество) все равно некому поставить под сомнение! Это, конечно, предельный случай. В границах относительной «нормы» человеку всегда приходится выстраивать «реальные» отношения с Другим.

Однако конвенциональность (призрачная, по существу) все же не в силах решить проблему концептуального Ужаса перед Ничто, - этим и обусловлено наличие постоянной рекурсивности, возврата вектора жизненного опыта от чувства общности к чувству глубокого одиночества и депрессии, что фиксировал и Сартр. И чем более сложной психикой обладает человек, чем более развиты его чувства, чем шире в нем трансцендентная тень трансцендентального «Я», тем сильнее в нем солипсистские, невротические тенденции, - тенденции, неминуемо ведущие его к одиночеству.

Традиционно в науке одиночество рассматривается как эпифеномен цивилизации, имеющий основанием дефекты коммуникации и являющий себя разными модусами автономизации человека.

Одиночество неизменно противопоставляется неким гипотетическим идеальным, «здоровым» состояниям человека, а создаваемые модели одиночества вполне обоснованы и технологичны, но, на наш взгляд, никогда не дают его целостной картины.

В границах дискурса научного сознания феномен одиночества структурирован позитивистским (бихевиористским) исследовательским стандартом (Дж.

Уотсон, Э.Толмен, и др.), реализующим стратегию аналитики фактичности одиночества. Все эти теории, так или иначе, имеют основанием различение самых общих структурных уровней одиночества в пределах бинарной схемы внешне-внутреннее, стимул-реакция. В рамках той же, по сути, стратегии выполнены психодинамические (Ф. Фромм-Рейхман, Дж. Зилбург, Г. Салливан), интеракционистские (Р.С. Вейс), когнитивные (Л.Э. Пепло, М. Мицели), теоретико-системные (Дж. Фландерс), интимные (В. Дерлега, С. Маргулис), феноменологические (У. Садлер, Т. Джонсон), социологические (Д. Мид, Н.Е. Покровский и др.) модели одиночества. Кроме того, в исследовании одиночества использовались матрицы психоанализа (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, К.Хорни и др.), интеракционизма (Дж. Мид, Ф. Блумер, Э. Гоффман, Г.Келли), «единицы» гештальтпсихологии (М. Вертгеймер, В. Келер, К.Левин), психосемантические конструкты (Ч. Осгуд, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Ф.Петренко и др.), структурно- функциональный анализ (Р. Мертон, Т. Парсонс) и т.д.

Многообразен и ряд философских учений, так или иначе затрагивающих тему одиночества: это упоминавшиеся уже не раз исследования Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г.-Х. Гадамера, Ж.-П.Сартра, Ж. Бодрийяра, Ж. Лакана. Но, кроме того, - М. Мерло-Понти, М. Мамардашвили, Г.Марселя, Ж. Маритена, представителей аналитической философии Б.Рассела, М. Шлика, Д. Остина и др. Нельзя не упомянуть и постмодернистские штудии Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж.-Л. Нанси, Ф. Гваттари, и др.

Коммуникативные горизонты проблемы тематизировались философией языка (Л. Витгенштейн, Ж.-Ф. Лиотар), философией коммуникации (Ю. Хабермас), Dasein-анализом (Л. Бинсвангер, М. Босс,

Э. Деринг). Ее антропологический фокус артикулирован разными версиями философской антропологии (М.Шелер, Х.Плеснер, А.Гелен, Х.П.Рикман, Г.Бургхардт, Г.Хенгстенберг, Р.Цанер и др.). Исследовалось одиночество и в разных горизонтах и режимах оппозиции «Я – Другой» (М.Бубер, Э.Левинас, М.Бахтин, Ж.Лакан, Б. Вальденфельс).

Мы привели этот перечень не для того, чтобы продемонстрировать эрудицию (зачастую бессмысленную и бесполезную, так как, во-первых, «многознание уму не научает», а, во-вторых, любая, даже наиболее полная классификация исследовательских сюжетов - когнитивный, психодинамический, социологический, интеракционистский, интимный, теоретико-системный, феноменологический, экзистенциально-гуманистический – отражает лишь status quo в той или иной региональной онтологии, имея характер потенциально не заканчиваемого перечня), а для того, чтобы подчеркнуть: проблема одиночества, по-видимому, воспринимается мыслью, как фундаментальная, в силу принципиальной необходимости самоуверения человека, - ситуации, по существу, солипсистского характера. И страх солипсизма, являясь десублимированной формой Ужаса, сам редуцируется в обыденности к страху одиночества.

И мы можем теперь заметить, что солипсизм – это попытка в духе Декарта распространить достовернейшее – одинокое, самоочевидное Я – на весь мир. Однако тогда cogito равно dubito – достовернейшее становится сомнительнейшим: здесь, собственно, и нужно искать истоки нововременного – и не только! – скептицизма, в том числе в виде критики историографии.

Итак, истоки новохронологии, по нашему мнению, коренятся в страхе солипсизма. А страх этот в свою очередь рождается из желания иметь внешний, позитивный к себе мир, но при этом понятный мне, «проникнутый» мной, в пределе мной и являющийся. Ведь эпистемологический разрыв (между «я» и «не-я») в жизни разумного существа, наделенного способностью к рефлексии – это общая бытийная ситуация. И знаменитое Декартово высказывание следует изложить в нашем случае так: *cogito ergo solus ipse sum*. То есть от «мыслю, следовательно существую» рукой подать до «мыслю, что существую». Да и в обыденности, как говорил Хайдеггер, мы действительно по большей части – не мы сами, но нас живут другие. Моя жизнь протекает в сосуществовании с другими реальностями, другими людьми. Я дан себе в том, с чем я имею дело, с окружающим миром. Я постоянно встречаю в мире самого себя, как не-себя. При этом нельзя забывать о том, что Хайдеггер постулирует невозможность отделения заботы (ближайший мир человека – мир забот, в том числе и по обеспечению идентичности) от осмотра, теоретического начала, что и обуславливает появление рационализаций страха солипсизма.

Добавим к сказанному, что, по словам Айзека Дайнесена: «Не многие люди могут сказать о себе, что они свободны от веры в то, будто мир, который они видят вокруг себя, в действительности создан их воображением» [60]. Не могут сказать этого о себе и адепты Новой хронологии. Однако конкретные формы критики историографии определяются еще и тем, что в учении Фоменко, в Новой хронологии страх солипсизма показывает себя, как страх социального солипсизма, выражающийся в поисках достоверного основания

своего социума (в распространении его на весь мир) и, одновременно, полагания – исключительно в эсхатологических сюжетах - социума Другого.

В теории нового летоисчисления происходит перенос базовых психических характеристик в область коллективного, социального. Новохронологи, по сути, объективируют индивидуальные интроекты, переходя от трансценденции, свойственной в той или иной мере развитым типам историзма, к целеполаганию исторической реконструкции и идее аксиологической анизотропности истории – наличия в ней вектора (лучше-хуже).

Причем, уточним еще раз, все вышеуказанное свойственно не только таким одиозным псевдоисторическим учениям, как «Новая хронология» Фоменко. Мы можем привести в качестве примера теорий, замыкающихся в исторически бессмысленном, вечном «сейчас», и более респектабельные направления современной философско-исторической мысли.

Скажем, философы Просвещения говорили об общественном договоре, а Маркс и его эпигоны – уже об общественном заговоре. (Ах, какой распространенный сюжет! Нет, совершенно очевидно, что вечное возвращение к заговору - не параноя, не отклонение от психической нормы, но судьба нововременной мысли). И одним из самых ярких апологетов «теории заговора», на наш взгляд, является Г. Маркузе, которого обычно позиционируют как марксо-фрейдиста.

Для того, чтобы обобщить наши рассуждения, подвести итоги, выплыть хоть к каким-нибудь берегам – пусть и холодными, негостеприимным, - попробуем рассмотреть концепцию современного общества, разработанную именно этим мыслителем, и в полемике с ним попытаемся прояснить и наши суждения.

Для начала обратим внимание на один интересный факт: Маркузе считает, что современное общество характеризуется, в том числе и «институционализированной десублимацией» [61] – обузданием способности к трансцендированию. Однако трансцендирование он рассматривает только через призму исторических альтернатив (как и новохронология)! Соответственно в качестве причины этой десублимации он устанавливает деятельность политических, экономических элит, незаинтересованных в осуществлении упомянутых альтернатив, а значит сам, по существу, отказывается от трансцендирования, попадая в рамки «теории заговора».

Заметим поэтому, что реалии современного общества – товарные отношения, или та же реклама – воспринимаются Маркузе только как инструменты для редукции общества «диалектического» к обществу одномерному, для навязывания одномерного же, «счастливого» сознания, причем инструменты, сознательно применяемые определенными социальными стратами.

Стоит также отметить, что у Маркузе присутствует явный разрыв между тонкой, изящной аргументацией и сделанными в духе «теории заговора» выводами. Так он совершенно справедливо замечает следующие особенности социальной коммуникации в эпоху неокapитализма.

Язык и речь в этот период наполняются магическими, ритуальными элементами, исчезает трансцендентальность дискурса. Появляется персонализированный язык, созданный словно бы специально для тебя, что, конечно, усиливает тенденцию к самоидентификации. Скажем, в рекламе значение монтируется, фиксируется, и всякий раз всплывает целиком, – здесь речь идет об узнавании (рекоgnизии), здесь создаются образы вместо понятий, осуще-

ствляется культивирование памяти, как способа отвлечения от фактов.

В качестве магических черт современной коммуникации Маркузе выделяет также следующие ее особенности: отсутствие зазора между наименованием и суждением, исчезновение трансцендентной лексики, утверждение не словами, а поступками. (Т.е. язык сохраняет возможность суждения, но в рамках уже преформированного, агенды).

В современном обществе в качестве тотального посредника, по Маркузе, устанавливается (все в той же рекламе) некая внешняя движущая сила, опора, к которой должны присоединиться индивидуальные мышления и поступки.

Вообще современным обществом, считает философ, целое постоянно отбрасывается, редуцируется до частности (а это и дает, по нашему мнению, возможность появления феноменов своеобразной социальной взаимоотношения, – реклама, поп-культура, психоанализ. В последнем Ужас низводится до страха и лечится как частное явление частной биографии). Конечно, всеобщее не исчезает (иначе исчезло бы и мышление), но становится другим. Таким образом – сделаем мы свои выводы – страх становится новым, партикулированным всеобщим, причем в его преодолении исходят всегда из частных показателей жизни.

Вообще же – согласимся с Маркузе – речь здесь идет об обретении современным человеком практической (абсолютной) достоверности, которая не связана с субстанцией, но находится в операционном контексте. (Практика всегда подразумевает эффективное предвидение, но в контексте страха солипсизма предвидение осмысливается по-другому, и практическая эффективность важна именно в

онто-эпистемологическом, обосновывающем смысле!)

Целью переопределения мышления (в координации с социумом) является, как было сказано выше, терапия, определяющая излечение от трансцендентного, но, о парадокс, самим трансцендентным, являющимся в превращенных формах реконструкции-деконструкции индивидуальной (психоанализ) или социальной (Новая хронология) истории.

У Маркузе, как впрочем, у любого представителя «теории заговора», в том числе и у адептов Новой хронологии, центральное место занимает логика протеста: мир непосредственный должен быть изменен и ниспровергнут. Эпистемология здесь превращается в этику, - человек же попадает в расколотый универсум, в ситуацию онто-разрыва.

И мы согласны с Маркузе в определении отношений нашего времени и трансцендентности, за исключением того момента, что Маркузе в данном случае рассматривает трансцендентность только в аспекте возможности выбора исторических альтернатив, оставляя экзистенцию вообще за скобками, что роднит его с критикой историографии. Мы же считаем, вслед за Хайдеггером, трансцендентность (способность к ней) универсальной характеристикой экзистенции как особого бытия-сознания, причем трансцендентальное ни в коем случае не сводится к виртуальному, единично-множественному набору проекций наших разногласий (по выражению А. Бадью) по поводу отсутствующей реальности. И, как и Гегель, мы рассматриваем трансцендентность как диалектический процесс определения границы. То есть, трансцендируя, человек всегда находится у границы своей самости, и значит, - за ее границей, и, стремясь сохранить свою самость, он неминуемо

отбрасывается назад (к жизни как универсальному феномену), удаляясь, следовательно, от границ, и теряет самость. Таков основной диалектический транс – дискурс бытия человека, в котором Ужас трансцендирования при отбрасывании заменяется страхом солипсизма, и далее растворение себя в этом страхе приводит к необходимости поиска самоидентификации и полаганию ценностей жизни, истории, как субститутов трансцендентности, сохраняющих при этом многие его черты.

И нам осталось только задать последний вопрос: как же относиться к нашему миру, нашему обществу, к эпохе, в рамках которой тотальная партикуляция и десублимация трансцендентного определяют такие причудливые формы неизбежной во все времена критики историографии, как Новая хронология?

Отвечать, конечно, можно по-разному. Можно в духе Гуссерля, приверженного старой доброй европейской идеей прогресса (или – в качестве антитезы – регресса) и тотального удостоверения: в варианте пути от мифологии к феноменологии, и обратно, - несмотря на то, что феноменология внешне кажется высшей формой трансцендентализма. Однако «провозглашение и отстаивание линейной эволюции - не важно природы, общества или сознания – это ли не величайшее заблуждение многих философов, которые к тому же эволюцию непременно именовали прогрессом!» [62]

А можно ответить с позиций онтопсихологии. Утрата способности к подлинной трансцендентности ведет к подмене исторического самосознания потоком произвольных реконструкций, определенных в нашем случае кризисом способности суждения о реальности. Кризисом, истоки которого мы находим в философии Нового времени с присущими ей самопре-

зентациями человека как полагающей, институализирующей рефлексии. И, следовательно, вглядываясь в химеры современности – такие как Новая хроноло-

гия, - мы видим там самих себя: одиноких, растерянных, взирающих в прошлое и будущее со страхом, - но и с надеждой, ибо «на пепле трава растет зеленее».

Список литературы

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Капица С.П. "Прогноз - история, обращенная в будущее". // "Известия", 19 ноября 1983 г.
3. Капице - 80 лет. // <http://forum.citynov.ru/besedka/5430-s-p-kapice-80-let.html>
4. Рыжков Л.Н. Статистическая история всяких вероятностей или новый исторический дуриг с аттракционами. Заметки о "новой хронологии" А. Фоменко и К°. // http://kladina.narod.ru/rizhkov/supplement_3.htm
5. Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого. // <http://compagnia.ru/civ/read.php>
6. Акимов В. В. О славяноцентризме и гипотезе А. Фоменко. // <http://kasparovchess.crestbook.com/viewtopic.php>
7. Сендеров В.А. Историческая русская государственность и идея "Третьего Рима". // Вопросы философии, №2, 2006. С.127.
8. Таганрогское благочиние //
9. <http://taganrog.orthodoxy.ru/index.php?id=2947&portion=2>
10. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь (исследование магии и религии). М., "Политиздат", 1980. С.25.
11. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания. // Вопросы философии, №1, 2006. С.15.
12. Володихин Д.М. Новая хронология как авангард фолк-истори. // Новая и новейшая история, № 3, 2000. С.129.
13. Шмидт С.О. "Феномен Фоменко" в контексте изучения современного общественного исторического сознания // Исторические записки, №6 (124), 2003. С. 352.
14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-традиция. 2000. С.198
15. Топпер У. Великий обман. Выдуманная история Европы. СПб., "Нева", 2006. С.16.
16. Лурье С.Я. Ньютон - историк древности // Исаак Ньютон 1643/1727 // Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения. (под. ред. академика С. И. Вавилова). Изд. АН СССР, М.-Л., 1943. С.156.
17. Шульженко И. Логодедал, или Тайна замка Бельвуар. // Журнал "Огонек", апрель, 1992.
18. О пользе инакомыслия в науке. // История и общество. Знание - сила, № 2, 2003.
19. Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. М., 1947. С.59.
20. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах, Т.2. М., 1963. С. 268.
21. Материалы заседания Бюро Отделения истории РАН // Протокол № 4 от 22 апреля 1998.
22. Материалы конференции "Мифы "новой хронологии". 21 декабря 1999 г. МГУ.
23. Лотман Ю.М., Письма. М., "Школа "Языки русской культуры", № 616, 28. III.80, 1997. С. 600.

-
24. Горфункель А.Х. Манифест торжествующего дилетантизма // Вопросы философии, №10, 1998. С. 133.
 25. Самченко В.Н. Очередные сумерки Минервы // Вопросы философии, №10, 1998. С.134.
 26. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С.315.
 27. Савин А.Э. Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля. // Вопросы философии, №5, 2008. С. 128.
 28. Смазнова О.Ф. Личность и миф (о субъекте мифической речи). // Вопросы философии, № 6, 2008. С. 56.
 29. Десперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и законов природы // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход: научн.тр. // Институт философии РАН, М., "Канон+", 2006. С.170.
 30. Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. (Десять докладов, прочитанных в Касселе, 1925) Вопросы философии, №11, 1995. С.119.
 31. Ортега-и-Гассет Х. История как система. // Вопросы философии, №6, 1996. С.102.
 32. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы. // Вопросы философии, № 4, 2006. С.49.
 33. Хвостова К.В. История: проблемы познания. // Вопросы философии, №4, 1997. С.115.
 34. Юров. С.В. Дж. Беркли и проблема солипсизма. // Вопросы философии, №6, 1997. С.152.
 35. Кричевец А.Н. Априори психолога и категории психологического понимания. // Вопросы философии, №6, 2008. С. 82.
 36. Петровский А.В. Ярошевский М.Г. Теоретическая психология М., 2003. С.235.
 37. Труфанова Е.О. Идентичность и Я. // Вопросы философии, № 6, 2008. С. 95.
 38. Декарт Р. Сочинения. Т.1. М., 1989. С. 269.
 39. Павленко А.Н. Теорема о "затылке" (к вопросу об истоке и границах новоевропейского скептицизма). // Вопросы философии, №2, 2005. С. 122.
 40. Шредингер Э. Поиски пути (1925) // <http://www.philosophy.ru/library/vopros/70.html>
 41. Пиаже Ж.. Генетическая эпистемология. // Вопросы философии, №5, 1993. С.57.
 42. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М., "Республика", 1993. С. 21.
 43. Фромм Э. Человеческая ситуация - ключ к гуманистическому психоанализу. С.-Пб., Азбука-Классика, 2008., стр. 23.
 44. Цит. по Желязны Р. Хроники Амбера, Т. 6 (Козыри судьбы). Санкт-Петербург, 1996. С.96.
 45. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003. С. 43.
 46. Быстрай Г.П., Пивоваров Д.В. Неравновесные системы. Свердловск, 1989. стр. 162.
 47. Sheiko K. Lomonosov's bastards: Anatolii Fomenko, pseudo-history and Russia's search for a post-communist identity. Institution University of Wollongong, 2004. S.3.

УГОЛОК СКЕПТИКА

Болотин А.В., Чащин В.В.

ПЛАТИТЬ ИЛИ НЕ ПЛАТИТЬ? - ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

24 ноября 2010 года Совет Федерации одобрил федеральный закон "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации".

По словам сенаторов, этот закон направлен на совершенствование законодательства в сфере обязательного медицинского страхования и дальнейшее развитие системы здравоохранения в части оказания бесплатной медицинской помощи.

Следует, однако, заметить, что помимо, в общем-то, технических проблем, связанных со страховыми платежами, существуют здесь и проблемы, касающиеся экономической сути данных процессов.

Прежде всего, хотелось бы затронуть известный в экономической теории вопрос о внешних эффектах (экстерналиях) каких-либо процессов: в нашем случае - об эффектах положительных. Конечно, отношения лечебного учреждения и больного касаются в первую очередь самих участников контракта: выздоровевший человек получает высокое качество жизни, больница - деньги (источник поступления финансов пока не важен). Однако же не трудно заметить, что здоровые люди в качестве полноценных, экономически активных субъектов выгодны также и работодателям, и государству. Соответственно, если последние будут пользоваться указанными выгодами бесплатно, эффективность рынка здравоохранения будет ниже возможной.

На первый взгляд система страховых платежей собственно и призвана решить этот вопрос раз и навсегда. Осуществляя отчисления с фонда оплаты труда (ФОТ), предприятия оплачивают свою часть "дарового" блага, государство, финансируя целевые программы, - свою. Но не все так просто. Стоит только мельком взглянуть на мировой опыт, как можно заметить, что единого подхода здесь до сих пор не выработано.

В США, например, за лечение платят сами граждане. С другой стороны как раз сейчас в Америке идет реформа, смысл которой в обеспечении участия в финансировании здравоохранения других заинтересованных лиц. И идет эта реформа тяжело, с провалами и отступлениями.

А вот во Франции, где медицинское обслуживание по праву считается одним из лучших в мире, установленная сумма взноса вроде бы также вычитается работодателем из зарплаты работника и фиксируется в его платежной ведомости. Обычно при приеме нового сотрудника работодатель подробно объясняет, сколько и за что у работника будут вычитать из зарплаты, и может дополнительно предложить ему расширенную медицинскую страховку, взносы за которую также будут вычитаться из его зарплаты. Другое дело, что формируется и приводится к балансу эта зарплата с одновременным учетом и всех немаленьких отчислений, и интереса работодателя.

В России же за здравоохранение сейчас платят, по существу, почти исключительно работодатели. И это очень тревожный факт - причем государство только подливает масла в огонь. Скажем, с 2011 года упразднены льготы по отчислениям с ФОТ для малых предприятий, находящихся на упрощенной системе налогообложения. Это означает наступление очередного кризиса как в жизни огромной армии "упрощенцев" - малых бизнесменов, так и в жизни экономики РФ в целом.

Все дело в том, что кроме сиюминутных вопросов наполнения бюджета существуют еще и не менее актуальные задачи общесистемной оптимизации (поиска общего равновесия) национальных экономических процессов. Страховые платежи ведь по своим характеристикам

близки к НДС, являющемуся косвенным налогом. А еще Г. Хотеллинг - видный американский экономист - доказал, что прямые налоги эффективней косвенных. Иными словами, с точки зрения общеэкономической эффективности бремя финансирования здравоохранения выгоднее было бы разделить между работодателями и работниками.

Но популизм не истребим, потому и отдуваются предприятия и за себя, и "за того парня", уводя все больше финансовых потоков в область теневой экономики, поднимая цены на товары и услуги.

А граждане, кляня инфляцию и дороговизну какого-нибудь картофеля, все равно отдают свои кровные за лечение - только уже напрямую в кассу больших и малых больниц.

Воистину: скупой платит дважды.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛМАЗОВА О.Н.** старший преподаватель кафедры финансов и ценных бумаг
НОЧУ ВПО Уральского института фондового рынка
- БОЛОТИН А.В.** канд. экон. наук., проректор по развитию НОЧУ ВПО
Уральского института фондового рынка
- БОРОВИНСКАЯ И.В.** канд. экон. наук, зав. кафедрой менеджмента Уральского
института фондового рынка
- ЛОМТАТИДЗЕ О.В.** канд. экон. наук., зав. кафедрой финансов и ценных бумаг
НОЧУ ВПО Уральского института фондового рынка
- ФРИЗЕН Н.Г.** старший преподаватель кафедры финансов и ценных бумаг
НОЧУ ВПО Уральского института фондового рынка
- ЧАЩИН В.В.** канд. экон. наук., ректор НОЧУ ВПО Уральского института
фондового рынка
- ЯВОРСКАЯ О.В.** зав. кафедрой общепрофессиональной подготовки НОЧУ
ВПО Уральского института фондового рынка

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ "ВЕСТНИК УИФР"

ОФОРМЛЕНИЕ

1. Статьи должны быть подготовлены вместе с рисунками, схемами и другими иллюстрациями. Все рисунки, схемы и иллюстрации представляются дополнительно в отдельном файле в черно-белых тонах.

2. Нумерация формул, таблиц, графиков сквозная, выполняется по правому краю.

3. Максимальный объем статьи - 16 машинописных страниц.

4. Список литературы приводится в конце статьи. По тексту ссылки на источники делаются в квадратных скобках ([]). При этом, если необходимо, указывается номер страницы источника (например, [1, с.4]). Сноски оформляются внизу страницы.

5. В отдельном файле, **ОБЯЗАТЕЛЬНО** должны прикладываться сведения обо всех авторах статьи, которые должны содержать: название статьи, фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, полное название организации - места работы автора, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. ФИО авторов (Times New Roman Cyr 14 пт, строчные буквы, выравнивание по центру, полужирный шрифт);

2. Название статьи (Times New Roman Cyr 14 пт, прописные буквы, выравнивание по центру, полужирный шрифт);

3. Аннотация статьи на русском (и по возможности - на английском) языке до 0,5 страницы (Times New Roman Cyr 12 пт, строчные буквы, выравнивание по ширине, курсив);

4. Текст статьи (Times New Roman Cyr 12 пт, строчные буквы, выравнивание по ширине, обычный шрифт);

5. Список литературы (Times New Roman Cyr 10 пт, строчные буквы, выравнивание по ширине, обычный шрифт).

ВНИМАНИЕ!

1. Работы принимаются **ТОЛЬКО** в электронной версии, высланной на адрес редакции e-mail: **vestnik@uifr.ru**

2. Срок представления статей : **к 20 августа, 20 ноября, 20 февраля, 20 мая текущего года**). Материалы не представленные к указанным срокам будут опубликованы в последующих номерах.

3. Вопросы, связанные с публикацией научных материалов, редакция просит направлять на адрес: **vestnik@uifr.ru**

4. Адрес редакции: Уральский институт фондового рынка,
620032, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 35,
тел.(343) 2546238, 2546236, 2616098

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК УИФР

Журнал

№ 5(9)/2011

Разработка оригинал-макета и компьютерная верстка Вольф Е.А.

Подписано в печать 22.02..2011 Бумага типогр. № 1
Формат 60x84/8 Усл.печ.л.5,78 Уч.-изд. л. 5,35 Тираж 300 экз. Заказ _____.
Бесплатно

НОЧУ ВПО Уральский институт фондового рынка,
620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, 35

ГУП СО “Талицкая типография”
623640, Свердловская обл., г. Талица, ул. Исламова, 2

